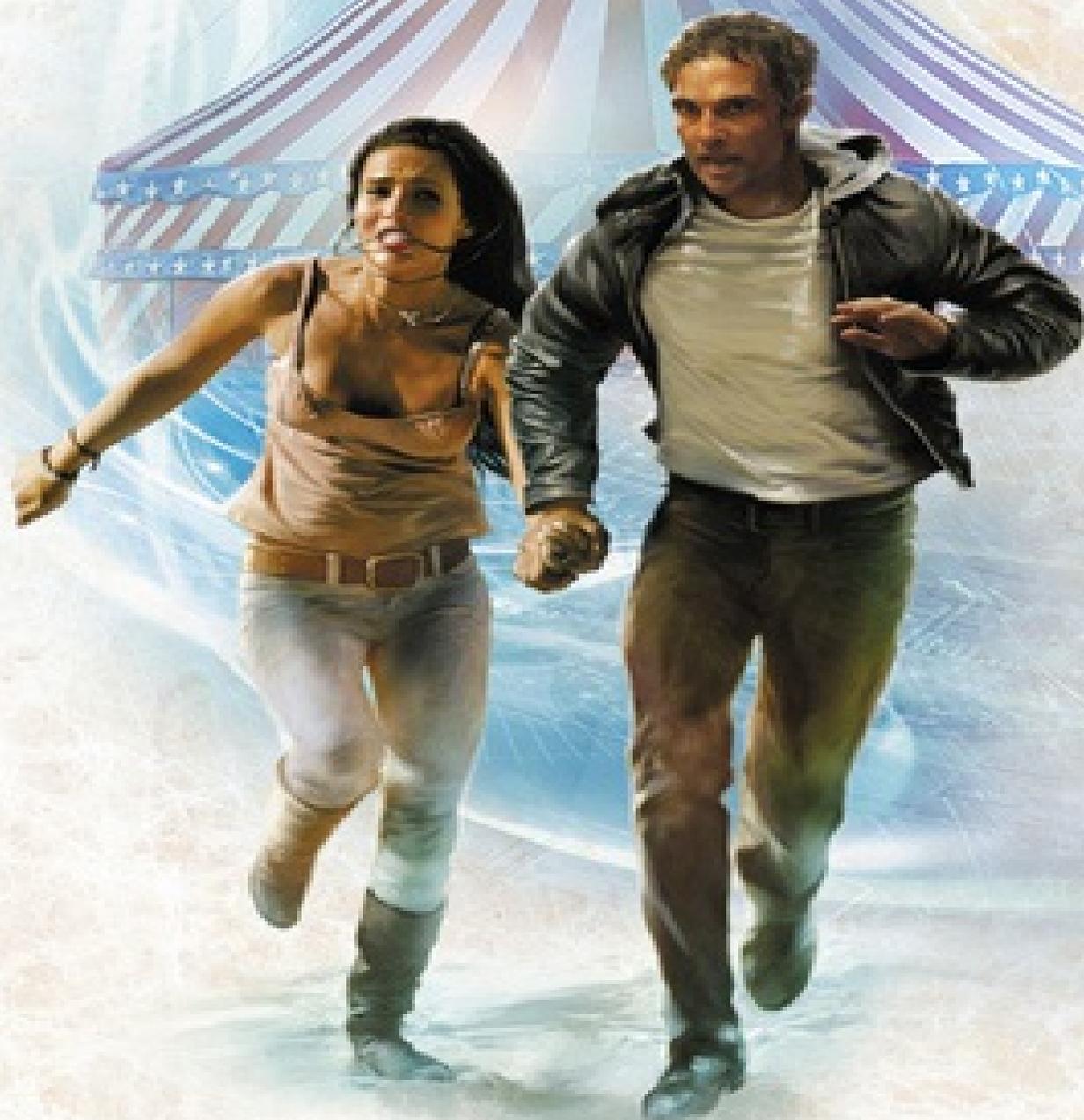

ДИН КУНЦ

ПРЕДСКАЗАНИЕ

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-МИСТИКА

Annotation

Предсказание умирающего деда превратило жизнь Джимми Тока в непрерывное ожидание беды. Не один, а целых пять дамокловых мечей занесены над ним и его красавицей-женой, с которой впервые соединили его не обручальные кольца, а наручники клоуна-маньяка. Загадочный замысел Судьбы свел Джимми и раздираемую враждой цирковую семью в смертельном противостоянии. Под куполом небес он, как и любой из нас, ощущает себя гимнастом, идущим по проволоке над бездной небытия. Удастся ли ему завершить головокружительный маршрут, спасти от гибели себя и свою семью?

Дин Кунц

Предсказание

Лауре Альбано, у которой странный склад ума, но такое доброе сердце.

*«О розе не мечтай,
Страшась, что шип уколёт!»*

Анна Бронте, «Стезя добродетели»

*«Вздых я шлю друзьям сердечным
И усмешку – злым врагам.
Не согнусь под ветром встречным
И в бою нигде не сдам».*

Лорд Байрон, «Томасу Муру»

Часть 1

Добро пожаловать в этот мир, Джимми Ток

В ночь, когда я родился, мой дед со стороны отца, Джозеф Ток, разразился десятью предсказаниями, которые определили всю мою жизнь. Он умер в ту самую минуту, когда я появился на свет из чрева матери.

Никогда ранее таланта ясновидения за Джозефом не замечалось. Он был кондитером, пек эклеры и лимонные торты, а не предсказания.

Для некоторых жизнь, если прожита она с достоинством, – великолепная арка, перекинутая из этого мира в вечность. Мне тридцать лет, и я не могу сказать, как выглядит моя жизнь со стороны, но точно знаю, это не арка, потому что мой путь – сплошные зигзаги от одного кризиса к другому.

Я – увалень. Не в том смысле, что я глуп, просто крупноват для своего размера, и я не всегда знаю, что делают мои ноги.

Говорю об этом не в силу присущего мне умаления собственного достоинства или даже смирения. Вероятно, образ увальня – часть моего обаяния, которое, как вы увидите дальше, приносит немалую пользу.

Несомненно, мои слова уже вызвали у вас вопрос: как это, «крупноват для своего размера». Что ж, как выясняется, написание автобиографии – задача куда более сложная, чем я поначалу предполагал.

Я не такой высокий, каким меня воспринимают некоторые люди. Собственно, совсем невысокий по стандартам профессионального (и даже школьного) баскетбола. Я не толстый, но и не качок, днюющий и ночующий в тренажерном зале. Пожалуй, с некоторой натяжкой можно считать меня здоровяком.

И однако мужчины выше меня ростом и куда массивнее, называют меня «большой парень». В школе меня прозвали Лосем. С детства я слышал шутки об астрономических счетах за продукты, которые, вероятно, приходилось оплачивать нашей семье.

Это несоответствие между моими истинными ростом и весом и восприятием моих габаритов другими людьми всегда ставило меня в тупик.

Моя жена, ось в колесе моей жизни, заявляет, что вид у меня куда более внушительный, чем фактические размеры. И люди, говорит она, судят обо мне по впечатлению, которое я на них произвожу.

Я нахожу это умозаключение нелепым. Ерундой, которая рождена любовью.

Возможно, я производил бы на людей столь сильное впечатление, если бы, скажем, падал на них или наступал им на ногу.

В Аризоне есть место, где брошенный мяч вроде бы катится вверх, отрицая закон всемирного тяготения. По правде говоря, все дело в необычном ландшафте, который обманывает глаз.

Подозреваю, что и я – некий природный феномен. Возможно, свет отражается от меня не так, как от других людей, странным образом преломляется, и в результате мои размеры оптически увеличиваются.

В ту ночь, когда я родился в центральной больнице округа Сноу, расположенной в городе Сноу-Виллидж, штат Колорадо, мой дед сказал медсестре, что ростом я буду в двадцать дюймов, а мой вес составит восемь фунтов и десять унций^[1].

Медсестра сильно удивилась, услышав его, и не потому, что восемь фунтов и десять

унций – слишком много для новорожденного. Не послужило причиной для удивления и внезапное превращение кондитера в прорицателя. Поразило медсестру другое: четырьмя днями раньше у моего деда случился обширный инсульт, вызвавший паралич правой половины тела и полную потерю дара речи; и однако, пребывая на кровати в палате интенсивной терапии, все свои предсказания он произнес ясным и четким голосом, не глотая буквы и не запинаясь.

Он также сказал медсестре, что я появлюсь на свет в двадцать два часа сорок шесть минут и что у меня будет отмечена синдактилия.

Синдактилия – из тех слов, которые трудно произнести до инсульта, а уж после – и подавно.

Синдактилия, как потом объяснила моему отцу та самая медсестра, – дефект внутриутробного развития, полное или частичное сращивание двух или более пальцев кисти или стопы. В самых серьезных случаях кости срачиваются настолько, что у двух соседних пальцев оказывается один ноготь.

Для исправления этого дефекта требуется несколько хирургических операций, если родителям хочется, чтобы их чадо смогло показать палец тому, кто крепко его достал.

В моем случае пальцы срослись на ногах, два – на левой, три – на правой.

Моя мать Маделин (отец, любя, обычно называет ее Мэдди) настаивает на том, что они сознательно намеревались отказаться от хирургического вмешательства и вместо операций при крещении назвать меня Флиппером.

Так звали дельфина, который играл главную роль в популярном телесериале конца 1960-х годов (само собой, телесериал также назывался «Флиппер»^[2]). Моя мать говорит, что этот сериал отличала «удивительно веселая глупость». Его сняли с эфира за несколько лет до моего появления на свет.

Флиппера, самца, сыграла дрессированная дельфиниха по кличке Сюзи. Скорее всего, это был первый случай трансвестизма на телевидении.

Разумеется, это не совсем правильное использование вышеуказанного термина, поскольку трансвестизм – переодевание мужчины в женщину для получения сексуального удовольствия. Понятное дело, что Сюзи, она же Флиппер, обходилась без одежды.

То есть в этом сериале женская звезда всегда выступала обнаженной и при этом без труда сходила за мужчину.

Всего лишь двумя днями раньше, за обедом мама испекла свой знаменитый пирог с сыром и брокколи. Она задала риторический вопрос, а не начавшееся ли с «Флиппера» падение телевизионных стандартов привело к занудным шоу с извращенцами, которые в такой чести на нынешнем телевидении.

Отец ей подыграл: «Все началось с Лэсси^[3]. В каждом фильме она играла голой».

– Лэсси всегда играли кобели, – ответила мать.

– Именно об этом я и толкую, – указал отец.

Мне удалось избежать имени Флиппер благодаря удачным хирургическим операциям, разделившим мои пальчики на ногах. В моем случае они срослись только кожей, не костями. Поэтому их разделение оказалось достаточно простым делом.

Тем не менее предсказание моего деда в части синдактилии, прозвучавшее в ту ночь, когда природа разбушевалась, как никогда, оказалось верным.

Если бы я родился в самую обычную ночь, семейная легенда все равно трансформировала бы ее, и ночь эта стала бы на удивление тихой и спокойной: все листочки

замерли бы в неподвижном воздухе, все ночные птицы затихли, ожидая моего появления на свет божий. Семья Токов склонна к драматизации.

Но даже если преувеличение имело место быть, гроза в ту ночь разразилась достаточно жуткая, чтобы Колорадские горы сотрясались до самого основания. Сверкали молнии, громовые раскаты сливались друг с другом, словно небесные армии сошлись в жестоком бою.

Пребывая в материнской утробе, я не подозревал ни о громах, ни о молниях. А родившись, должно быть, отвлекся видом своих необычных стоп.

Случилось это 9 августа 1974 года, в тот самый день, когда Ричард Никсон добровольно ушел в отставку с поста президента Соединенных Штатов Америки.

Падение Никсона не имело ко мне ровно никакого отношения, как и тот факт, что на той неделе первую строчку в чартах занимал Джон Денвер^[4] с его «Песней Энн». Упоминаю об этом лишь для исторической привязки дня моего рождения.

С Никсоном или без оно, я нахожу, что наиболее важными событиями 9 августа 1974 г. стали мое рождение и предсказания моего деда. Ничего не поделаешь, дает о себе знать мой эгоцентризм.

Благодаря рассказам многочисленных родственников о том дне, я буквально вижу, как мой отец, Руди Ток, мотается из одного конца центральной больницы округа в другой, между родильным отделением и палатой интенсивной терапии, между радостью (грядущее появление сына) и горем (быстрое приближение смерти горячо любимого отца).

* * *

С полом, выложенным синими плитками, светло-зелеными стенными панелями, желтым потолком и белыми занавесками с оранжевыми аистами комнату ожидания для отцов наполняла отрицательная энергия, генерируемая наложением цветов. Пожалуй, комната эта могла служить съемочной площадкой для детского шоу, ведущий которого вел тайную жизнь маньяка-убийцы.

Обстановка усугублялась и присутствием клоуна, который дымил, как паровоз^[5].

Руди заступил на вахту ожидания родов вместе с еще одним мужчиной, не из местных, артистом цирка, приехавшего в город на неделю. Шатер, где шли представления, стоял на лугу около фермы Хэллоуэя. Мужчина представился как Бизо. И это не было именем, с которым он выходил на манеж. Так уж его звали – Конрад Бизо.

Натали, жена Бизо, была воздушной гимнасткой, из знаменитой семьи воздушных гимнастов, которые по праву считались цирковой элитой.

Родители Натали, братья и сестры, кузены и кузины, порхающие под куполом цирка, в больницу приехать не смогли: в этот вечер шатер заполнили зрители, ради которых цирк и приехал в город.

Впрочем, вполне возможно, воздушные гимнасты также хотели показать, что не одобряют выбора Натали, решившей выйти замуж за клоуна. В каждой субкультуре и этносе есть свои предрассудки.

Нервничая в ожидании родов, Бизо нелестно отзывался о своих новых родственниках. Называл их самодовольными, неискренними.

Сердитые слова вырывались из него вместе с клубами едкого дыма: «двуличные»,

«интриганы», а потом он разразился тирадой, очень уж поэтической для клоуна: «Блаженные души в воздухе, которые становятся предательскими, стоит ногам коснуться земли».

Бизо приехал не в полном костюме клоуна. Более того, его сценический наряд больше соответствовал грустной традиции Эмметта Келли^[6], чем ярко разодетых клоунов «Цирка братьев Ринглинг»^[7]. Тем не менее он являл собой странное зрелище. Мешковатые брюки коричневого костюма сзади украшала широкая клетчатая полоса, руки чуть ли не до локтя торчали из укороченных рукавов. Один лацкан практически полностью был закрыт искусственным цветком, размером с тарелку для хлеба.

Прежде чем примчаться с женой в больницу, он сменил клоунские башмаки на кроссовки и снял с носа большую красную круглую резиновую нашьепку. Однако остались и белые круги вокруг глаз, и красные пятна румян на щеках, и мятая шляпа-пирожок.

Налитые кровью глаза Бизо цветом не отличались от нарумяненных щек, возможно, потому, что едкий сигаретный дым раздражал слизистую, но Руди подозревал, что причина еще и в выпивке.

В те дни курить разрешалось везде, даже в комнатах ожидания родильных отделений. И счастливые отцы традиционно раздавали сигары, празднуя рождение ребенка.

Уходя от кровати умирающего отца, бедный Руди вроде бы мог найти убежище в комнате ожидания. И его горе могла бы смягчить радость скорого перехода в категорию отцов.

Но и у Мэдди, и у Натали роды затягивались. И всякий раз, возвращаясь из палаты интенсивной терапии, Руди находил в комнате ожидания бормочущего себе под нос, с налитыми кровью глазами клоуна, искуривающего пачку за пачкой «Лаки страйк» без фильтра.

Под грохот громовых раскатов, в сверкании молний, Бизо превратил комнату ожидания в сцену. Кружил по синим плиткам винилового пола, от одной розовой стене к другой, курил и кипел изнутри.

– Руди Ток, вы верите, что змеи могут летать? Разумеется, нет. Но змеи *могут* летать. Я видел их высоко над ареной. За это зрелище хорошо платили и им громко аплодировали, этим кобрам, этим мокасиновым змеям, всем этим мерзким гадюкам.

Бедный Руди реагировал на эти тирады сочувственными кивками, междометиями, цоканьем языка. Он не хотел поощрять Бизо, но чувствовал: отсутствие реакции приведет к тому, что злость клоуна выплеснется на него.

Задержавшись у залитого дождем окна, с густо покрашенным лицом, которое подсвечивал отблеск молний, Бизо спросил: «Кого ждете, Руди Ток, сына или дочь?»

Бизо обращался к нему исключительно по имени и фамилии, словно они составляли неделимое целое: «*Рудиток*».

– У них тут есть новейший ультразвуковой сканер, – ответил Руди, – так что они могли бы сказать нам, мальчик будет или девочка, но мы не захотели этого знать. Нас волнует только одно: чтобы ребенок родился здоровым.

Бизо выпрямился во весь рост, гордо вскинул голову, повернулся к окну, за которым бушевала гроза:

– Мне не нужен ультразвук, чтобы подтвердить то, что я и так знаю. Натали родит мне сына. Род Бизо не умрет вместе со мной. Я назову его Панчинелло, в честь одного из первых и самых знаменитых клоунов.

«*Панчинелло Бизо, – подумал Руди. – Бедный ребенок.*»

– Он станет величайшим представителем нашей профессии, – продолжил Бизо, – лучшим шутком, арлекином, паяцем. Его признают таковым от побережья до побережья, на всех континентах.

И хотя Руди только-только вернулся из палаты интенсивной терапии в родильное отделение, ему казалось, что он уже связан по рукам и ногам черной энергией, которая словно изливалась из подсвеченных молниями яростных глаз Бизо.

– Он не просто добьется признания, но станет *бессмертным*.

Руди куда больше интересовали новости о состоянии Мэдди. В те дни отцов редко допускали в «родилку», где они могли бы засвидетельствовать появление ребенка на свет божий.

– Он будет звездой цирка своего времени, Руди Ток, и все, кто увидит его на манеже, будут знать, что его отец – Конрад Бизо, патриарх клоунов.

Медсестры родильного отделения, которые обычно регулярно приходили в комнату ожидания, где находились будущие отцы, на этот раз старались появляться там как можно реже. Чувствовалось, что им как-то не по себе в компании этого обозленного циркача.

– Клянусь могилой моего отца, мой Панчинелло никогда не будет воздушным гимнастом, – заявил Бизо.

Громовой раскат, последовавший за его клятвой, был таким сильным, что в рамках задрезжали стекла, а лампочки замигали.

– Какое отношение имеют воздушные гимнасты к сути человеческого существования? – спросил Бизо.

– Никакого, никакого, – без запинки ответил Руди, в котором агрессивность отсутствовала напрочь. Мягкий, тихий, еще не кондитер, как его отец, а всего лишь пекарь, он не хотел, чтобы здоровяк-клоун отметелил его.

– Комедия и трагедия – главные инструменты клоунского искусства и составляют основу жизни! – рявкнул Бизо.

– Комедия, трагедия и потребность в хорошем хлебе, – Руди пошутил, стараясь показать, что и его профессия имеет самое непосредственное отношение к сути человеческого существования.

В награду за эту шутку ему достался яростный взгляд, из тех, что останавливают не только часы, но и само время.

– Комедия, трагедия и потребность в хорошем хлебе, – повторил Бизо, возможно, ожидая, что отец признает вышеуказанное пустым и бессмысленным.

– Слушай, а ведь ты говоришь совсем как я! – в удивлении воскликнул мой отец, поскольку последнюю фразу клоун произнес другим голосом, блестяще имитируя отца.

– Слушай, а ведь ты говоришь совсем как я, – произнес Бизо голосом отца, а потом продолжил своим: – Я уже говорил, что я талантлив, Руди Ток. И таланты у меня очень даже необычные.

Руди подумал, что сердце у него бьется все медленнее, замедляя ход под тяжестью этого холодного взгляда.

– Мой мальчик никогда не станет воздушным гимнастом. И пусть шипят эти ненавистные змеи. Как же они будут шипеть и бросаться, но *Панчинелло никогда не станет воздушным гимнастом!*

Очередной раскат грома потряс стены больницы, а напряжение в электрической сети резко упало, лампы заметно потускнели.

Когда в комнате потемнело, Руди мог в этом поклясться, кончик сигареты Бизо, которую тот держал в правой руке, ярко вспыхнул, словно кто-то невидимый поднес ее к губам и жадно затянулся.

И Руди подумал, пусть поклясться в этом он не решился бы, что увидел, как глаза Бизо сверкнули красным. Разумеется, это не мог быть внутренний свет, в них лишь отразилось... что-то.

Когда же эхо громового раската стихло, а лампы обрели прежнюю яркость, Руди поднялся со стула.

Он лишь недавно вернулся в комнату ожидания, еще не получил известий о состоянии жены, но ему совершенно не хотелось находиться в компании Конрада Бизо при третьем скачке напряжения в электропроводке. Уж лучше вернуться в палату интенсивной терапии, пусть ничего хорошего там ему сообщить не могли.

Прибыв туда и обнаружив двух медсестер у кровати отца, Руди испугался худшего. Он знал, что отец умирает, тем не менее горло у него перехватило, а на глазах выступили слезы.

К своему изумлению, он увидел, что Джозеф приподнялся на кровати, вцепившись руками в оградительные поручни, и повторяет предсказания, которые уже успел сообщить одной из медсестер. *«Двадцать дюймов... восемь фунтов и десять унций... десять сорок шесть вечера... синдактилия...»*

Заметив сына, Джозеф сел, и одна из медсестер приподняла часть кровати у изголовья, чтобы поддержать ему спину.

К нему вернулся не только дар речи, но и контроль над парализованной после инсульта половиной тела. Он схватился за правую руку Руди, крепко, даже причинив боль, сжал.

Изумленный столь резкими переменами в состоянии отца, Руди поначалу решил, что произошло чудо, и тот выздоровел. А потом понял, в чем дело: умирающий человек прилагал отчаянные усилия, чтобы сообщить что-то крайне важное.

Кожа на лице Джозефа обтянула кости, словно смерть «съела» все, что находилось между ними. Глаза стали огромными. И в них, когда он смотрел на сына, застыл страх.

– Пять дней, – хрипло прошептал Джозеф. – Пять ужасных дней.

– Успокойся, папа. Тебе нельзя волноваться, – предупредил Руди, но, взглянув на кардиомонитор, увидел, что сердце отца бьется учащенно, но ровно.

Одна из медсестер поспешила за врачом. Вторая отступила от кровати, но держалась поблизости, готовая тут же прийти на помощь, если пациенту вдруг станет хуже.

Облизав пересохшие губы, Джозеф изрек пятое предсказание: «Джеймс. Ему дадут имя Джеймс, но никто не будет называть Джеймс... или Джим. Все будут звать его Джимми».

Слова отца удивили Руди. Он и Мэдди решили назвать мальчика Джеймс. А девочку – Дженнифер, но ни с кем не обсуждали свой выбор.

Джозеф не мог этого знать. Однако знал.

А Джозеф продолжил, и по голосу чувствовалось, что он торопится, боится, что не успеет: *«Пять дней. Ты должен предупредить его. Пять ужасных дней».*

– Успокойся, папа, – повторил Руди. – У тебя все образуется.

Его отец, и без того белый, как ломоть отрезанного хлеба, побледнел еще больше, став белее муки в мерной чашке.

– Не образуется. *Я умираю.*

– Ты не умираешь. Посмотри на себя. Ты говоришь. Паралича как не бывало. Ты...

– Умираю, – настаивал Джозеф, хриплый голос стал громче. На висках запульсировали

вены, монитор зафиксировал увеличение частоты сердцебиений. – Пять дат. Запиши их. Запиши сейчас. СЕЙЧАС!

В замешательстве, опасаясь, что попытка спорить с отцом может привести ко второму инсульту, Руди поспешил выполнить просьбу отца.

Ручку взял у медсестры. Бумаги у нее не было, и она не позволила воспользоваться картой пациента, которая висела на изножии кровати.

Из бумажника Руди достал контрамарку в цирк, где выступал Бизо: чистая обратная поверхность могла заменить страницу блокнота.

Контрамарку Руди получил неделю тому назад от Хью Фостера, полицейского Сноу-Виллидж. Они дружили с детства.

Хью, как и Руди, хотел стать кондитером. Но природа не дала ему соответствующих способностей. Об его оладьи люди ломали зубы. А вкус лимонных тортов оставлял желать лучшего.

Полицейская служба приносила не только жалованье, но и «борзых щенков» – контрамарки в заезжий цирк и коробки с патронами от различных производителей. Этими патронами он делился с Руди, получая взамен пирожные, не портившие аппетита, а еще – пироги и штрудели, не вызывающие рвотного рефлекса.

На одной стороне контрамарки надпись «Бесплатно» окружали черные и красные изображения слонов и львов. Размерами, три на пять дюймов, контрамарка не отличалась от карточек, которые используются в библиотечных каталогах.

Руди положил контрамарку на бумажник, чистой стороной к себе, приготовился записывать. Под шум барабанищего по оконному стеклу дождя, схватившись за ограждающие поручни, Джозеф назвал первую дату: «Тысяча девятьсот девяносто четвертый год. Пятнадцатое сентября. Четверг. Запиши».

Стоя рядом с кроватью, Руди записал четким, ровным почерком, каким записывал рецепты: «15 СЕНТ. 1994. ЧЕТВ.».

Широко раскрытыми глазами, словно кролик, загипнотизированный удавом, Джозеф уставился в какую-то точку, расположенную высоко на стене. Но видел, похоже, не только стену, но и что-то более значимое. Будущее.

– Предупреди его, – прохрипел умирающий старик. – Ради бога, *предупреди его*.

– Предупредить кого? – в недоумении переспросил Руди.

– Джимми. Своего сына, Джимми, моего внука.

– Он еще не родился.

– Ждать осталось недолго. Две минуты. *Предупреди его*. Девятьсот девяносто восьмой. Девятнадцатое января. Понедельник.

Завороженный окаменевшим лицом отца, Руди застыл, не касаясь ручкой бумаги.

– ЗАПИШИ! – прорычал Джозеф. В крике пересохшие губы так разошлись, что нижняя треснула. Алая струйка крови потекла по подбородку.

– Девятьсот девяносто восьмой, – пробормотал Руди, записывая.

– Девятнадцатое января, – хрипя, повторил старик. – Понедельник. Ужасный день.

– Почему?

– Ужасный, ужасный.

– Что в нем будет ужасного? – продолжал любопытствовать Руди.

– Две тысячи второй. Двадцать третье декабря. Снова понедельник.

– Папа, все это так странно, – Руди говорил, записывая третью дату. – Я не понимаю.

Джозеф по-прежнему крепко держался за хромированные поручни, с двух сторон ограждающие кровать. Внезапно потрянул их с такой нечеловеческой силой, что они с диким скрежетом едва не вырвались из гнезд.

Медсестра рванулась к кровати, с тем чтобы успокоить пациента, но ярость и ужас, которые перекосили его бледное лицо, заставили ее остановиться. А после очередного громового раската, когда пыль посыпалась со звукоизолирующих плиток потолка, она отступила на шаг, возможно подумав, что и гром – дело рук Джозефа.

– ЗАПИШИ! – потребовал он.

– Записал, записал, – заверил отца Руди. – 23 декабря 2002 года, снова понедельник.

– Две тысячи третий год, – продолжил Джозеф. – Двадцать шестое ноября. Среда. Перед Днем благодарения^[8].

Записав четвертую дату на оборотной стороне контрамарки, Руди посмотрел на отца и увидел, что выражение его лица и глаз изменилось. Ярость ушла, остался только ужас.

– Бедный Джимми, бедный Руди, – прошептал Джозеф со слезами на глазах.

– Папа?

– Бедный, бедный Руди. Бедный Джимми. Где Руди?

– Я – Руди, папа. Я здесь, рядом с тобой.

Джозеф моргнул, снова моргнул, сбрасывая с ресниц слезы, вызванные охватившим его чувством. Каким именно, установить так и не удалось. Некоторые говорили, что изумлением. Другие утверждали, что такова естественная реакция на увиденное чудо.

Но Руди хватило нескольких мгновений, чтобы понять, что это не удивление, не изумление, а благоговейный трепет. Перед кем-то великим и неведомым.

А голос Джозефа упал до едва слышного шепота: «Две тысячи пятый».

Он все смотрел в некую реальность, что открылась ему там, где другие видели только голую стену. И в эту реальность, похоже, он верил ничуть не меньше, чем в мир, в котором прожил пятьдесят семь лет.

Дрожащей рукой, но по-прежнему разборчиво, Руди записал год и теперь ждал продолжения.

– Ах, – выдохнул Джозеф, словно ему только что открылся какой-то важный секрет.

– Папа?

– Не то, не то, – пробормотал Джозеф.

– Папа, что не то?

Любопытство заставило медсестру вновь приблизиться к кровати.

В палату вошел врач.

– Что здесь происходит?

– Не доверяй клоуну, – выдохнул Джозеф.

Врач переменялся в лице, предположив, что пациент только что усомнился в его профессиональной компетентности.

Наклонившись над кроватью, пытаясь переключить отца с невидимого для всех, кроме него, на реальность, Руди спросил: «Папа, откуда ты знаешь о клоуне?»

– Шестнадцатое апреля, – сказал Джозеф.

– Откуда ты знаешь о клоуне?

– ЗАПИШИ! – проорал отец, после того как гром вновь расколол небеса.

И когда врач подходил к кровати с другой стороны, Руди добавил в строку с «2005 г.» на оборотной стороне контрамарки «16 АПРЕЛЯ». А потом и «СУББОТА», едва отец произнес

это слово.

Врач взял Джозефа за подбородок и развернул голову к себе, чтобы лучше видеть глаза пациента.

– Он не тот, за кого себя выдает, – сказал Джозеф, не врачу, а своему сыну.

– Кто не тот? – переспросил Руди.

– Он не тот.

– Кто не тот?

– Хватит, Джозеф, – отчеканил врач. – Вы прекрасно меня знаете. Я – доктор Пикетт.

– Ох, трагедия, – в голосе Джозефа слышалась такая печаль, словно он был не кондитером, а актером-трагиком в пьесе Шекспира.

– Какая трагедия? – обеспокоился Руди.

Достав офтальмоскоп из кармана белого халата, доктор Пикетт не согласился с пациентом: «Нет тут никакой трагедии. Наоборот, налицо значительное улучшение».

Вырвав подбородок из пальцев врача, Джозеф воскликнул: «Почки!»

– Почки? – ничего не понимая, переспросил Руди.

– Почему почки должны быть таким важным органом? – пожелал знать Джозеф. – Это же абсурд, полнейший абсурд!

Руди почувствовал, что у него упало сердце. Если разум отца на какое-то время и прояснился, то теперь он снова начал заговариваться.

Вновь ухватившись за подбородок пациента, врач включил офтальмоскоп и направил луч в правый глаз Джозефа.

А в следующее мгновение, будто луч был иглой, а жизнь Джозефа Тока – воздушным шариком, пациент шумно выдохнул и упал на подушку, мертвый.

Его попытались вернуть к жизни, благо больница располагала первоклассным оборудованием, но все попытки реанимации потерпели неудачу. Джозеф ушел в мир иной.

* * *

А я, Джеймс Генри Ток, прибыл в этот мир. Время в свидетельстве о смерти моего деда совпало со временем в моем свидетельстве о рождении: 22:46.

Потрясенный случившимся, Руди Ток остался у кровати отца. Он не забыл про жену, но горе обездвижило его.

Десятью минутами позже медсестра сообщила ему, что роды у Мэдди прошли с осложнениями, и он должен немедленно идти к ней.

Встревоженный перспективой одновременно с отцом потерять и жену, Руди пулей вылетел из палаты интенсивной терапии.

Как он говорит, коридоры нашей скромной окружной больницы превратились в белый лабиринт, и он дважды сворачивал не в ту сторону. Не в силах дожидаться лифта, он скатился по лестнице с четвертого на первый этаж, прежде чем вспомнил, что родильное отделение находится на третьем.

Отец прибыл в комнату ожидания в тот самый момент, когда Конрад Бизо застрелил врача, принимавшего роды у его жены.

На мгновение он подумал, что Бизо стреляет из шутовского пистолета, заряженного капсулами с красными чернилами. Но врач упал на пол по-настоящему, и воздух наполнился

запахом крови.

Бизо повернулся к отцу и поднял пистолет.

Несмотря на мятую шляпу-пирожок, короткие рукава пиджака, полосу клетчатой материи на заднице, белые круги вокруг глаз и румяна на щеках, в этот момент в Конраде Бизо не было ничего клоунского. Он смотрел на Руди глазами дикого кота, не составляло труда представить себе, что за сомкнутыми губами скрываются не человеческие зубы, а тигриные клыки. Похоже, его обуяла жажда убийства.

Отец подумал, что и он сейчас получит пулю, но Бизо процедил: «Прочь с дороги, Руди Ток. С тобой мне делить нечего. Ты – не воздушный гимнаст».

Плечом он распахнул дверь между комнатой ожидания и родильным отделением и захлопнул ее за собой.

Отец опустился на колени рядом с врачом и обнаружил, что тот еще жив. Раненый попытался заговорить, но не мог: кровь клокотала в горле, и он задыхался.

Руди осторожно приподнял голову врача, подложил под спину стопку старых журналов, чтобы раненый мог дышать. Стал звать на помощь, но его крики заглушались ревом грозы и раскатами грома.

Доктор Феррис Макдональд был лечащим врачом Мэдди. Он также занялся и Натали Бизо, когда ту привезли в больницу.

Смертельно раненый, он испытывал скорее недоумение, чем страх. Когда горло освободилось от крови, он смог сказать отцу:

– Она умерла при родах, но моей вины тут нет.

В этот момент отец подумал, что речь идет о Мэдди.

Доктор Макдональд это понял, потому что успел перед смертью сказать:

– Не Мэдди. Жена клоуна. Мэдди... жива. Извини, Руди.

И Феррис Макдональд умер на руках у моего отца.

А едва стих очередной громовой раскат, отец услышал еще один выстрел, раздавшийся за дверью, через которую только что прошел Конрад Бизо.

Мэдди лежала где-то за той дверью... обессиленная трудными родами. И я тоже был за той дверью, младенец, неспособный защитить себя.

Мой отец, тогда еще пекарь, никогда не отличался склонностью к решительным действиям. Не прибавилось у него этой самой решительности и несколько лет спустя, когда его перевели в кондитеры. Среднего роста и веса, он не был слабаком, но не мог похвастаться и недюжинной силой. Он привык к спокойной жизни, без стрессов и катаклизмов, которая, кстати, полностью его устраивала.

Тем не менее страх за жену и сына не вызвал у него истерики, наоборот, заставил действовать хладнокровно и расчетливо. Без оружия, без плана действий, но с внезапно обретенным сердцем льва, он открыл дверь и последовал за Бизо.

И хотя воображение рисовало ему кровавые картины, он и представить себе не мог того, что должно случиться, не мог и предположить, что события той ночи наложат свой отпечаток на последующие тридцать лет жизни, моей и его.

В центральной больнице округа Сноу, войдя в дверь между комнатой ожидания и родильным отделением, человек попадает в короткий коридор, по левую стену которого находится кладовая, а по правую – ванная. Матовые потолочные панели, закрывающие флуоресцентные лампы, белые стены, пол, выложенный белыми керамическими плитками, указывают на то, что здесь поддерживается идеальная чистота и ведется непримиримая борьба с болезнетворными микроорганизмами.

Я тоже побывал в этом отделении, потому что мой ребенок появился на свет божий здесь же, в еще одну незабываемую ночь, когда за окнами вновь разбушевалась непогода.

В ту грозную ночь 1974 года, когда Ричард Никсон уехал домой в Калифорнию, а Бизо обезумел от ярости, мой отец нашел в коридоре медсестру, застреленную в упор.

Он помнит, как едва не упал на колени, от жалости и отчаяния.

Смерть доктора Макдональда, пусть и ужасная, не поразила отца до глубины души, возможно, потому, что произошло все слишком быстро, слишком внезапно. Но всего через несколько секунд он увидел второй труп, молодой медсестры, в белом халате, с золотыми кудрями, обрамлявшими вдруг ставшее таким серьезным лицо, и только тут окончательно осознал, что долгое время находился бок о бок с маньяком-убийцей.

Он распахнул дверь кладовой, в надежде найти там хоть что-нибудь, похожее на оружие. Но нашел только простыни, бутылки с антисептическим раствором, запертый шкаф с лекарствами...

И хотя потом мой отец, конечно же, посмеялся над собой, в тот момент он подумал, что его руки, за последние годы перемесившие столько теста, очень даже сильны. А потому, если каким-то образом ему удастся избежать пули, они, конечно же, смогут задушить этого дьявольского клоуна.

И действительно, руки разозленного пекаря – страшное оружие. А ужас, охвативший тогда моего отца, пусть это и покажется странным, только придал ему мужества.

Короткий коридор пересекался с более длинным, который вел направо и налево. В этом новом коридоре из трех дверей две вели в «родилки», а одна – в палату для новорожденных, где лежали младенцы, каждый в своей кроватке. Привыкали к новой реальности света, тени, голода, неудовлетворенности, налогов.

Отец искал мою мать и меня, но в одной из «родилок» нашел только мать, лежащую без сознания на той самой кровати, где она и рожала. Ни медсестер, ни врачей в «родилке» было.

Поначалу Руди подумал, что его любимая умерла. В глазах у него потемнело, он едва не лишился чувств, но в последний момент заметил, что она дышит. Он ухватился за край кровати и стоял, пока не совладал с нервами.

С посеревшим лицом, блестящим от пота, она ничем не напоминала знакомую ему, бурлящую энергией женщину, казалась хрупкой и ранимой.

Кровь на простынях указывала, что она родила, но вопящего младенца Руди не видел.

Откуда-то донесся крик Бизо: «Где вы, мерзавцы?»

Отцу очень не хотелось оставлять мою мать, но он пошел на крик, в надежде что как-то сможет помочь людям. Потом он говорил, что на его месте точно так же поступил бы каждый пекарь.

Во второй «родилке» он нашел Натали Бизо. Она лежала на такой же кровати, как и его

жена. Хрупкая воздушная гимнастка умерла так недавно, что на ее щеках еще не высохли слезы страданий.

Согласно отцу, даже после агонии и смерти она сохранила неземную красоту. Безупречная смуглая кожа. Иссиня-черные волосы. Широко открытые зеленые глаза, напоминавшие бездонные озера.

Казалось невероятным, что такая женщина могла достаться Конраду Бизо, который определенно не был ни красавцем, ни богачом и не производил впечатления харизматической личности. Поэтому Руди мог понять – но не оправдать – неистовость реакции клоуна на смерть жены.

Выйдя из второй «родилки», мой отец нос к носу столкнулся с убийцей. Тот как раз выскочил из палаты для новорожденных, с завернутым в одеяло младенцем на сгибе левой руки. Вблизи пистолет в правой руке в два раза увеличился в размерах, по сравнению с тем, каким он был в комнате ожидания, словно они мгновенно перенеслись в Страну чудес Алисы, где предметы могли увеличиваться или уменьшаться, независимо от здравого смысла или законов физики.

Отец мог бы схватить Бизо за запястье, и, пустив в ход сильные руки пекаря, попытаться вырвать пистолет, но не решился, опасаясь поставить под угрозу жизнь младенца.

Сморщенное красное личико, казалось, говорило о том, что младенец страшно недоволен, возмущен. Его ротик открылся, словно он хотел закричать, но молчал, шокированный осознанием того, что его отец – обезумевший клоун.

«Я до сих пор благодарю Бога за этого младенца, – часто говорил отец. – Если бы не он, я бы точно нарвался на пулю, ты бы вырос сиротой, и никто не научил бы тебя готовить первоклассный крем-брюле».

С младенцем на одной руке и пистолетом в другой Бизо спросил моего отца: «Где они, Руди Ток?»

– Кто они? – ответил отец вопросом на вопрос.

Красноглазого клоуна переполняло горе и распирала злость. Слезы текли по гриму. Губы дрогнули, словно его сотрясали рыдания, а потом разошлись в таком яростном оскале, что у отца похолодело внутри.

– Не идиотничай, – предупредил Бизо. – Должны быть другие медсестры, возможно, еще один врач. Я хочу, чтобы все они умерли, все, кто допустил ее смерть.

– Они убежали, – без запинки ответил мой отец, полагая, что лучше солгать и спасти несколько жизней. – Успели выскользнуть, воспользовались той самой дверью, через которую вы вошли. А миновав комнату ожидания, разбежались. Здесь их уже нет.

В ярости Конрад Бизо на глазах увеличился в размерах, будто ярость была пищей великанов. И ненависть, сверкавшая в его глазах, смертоносностью не уступала яду кобры.

Не желая стать очередной жертвой безумца, который никак не мог выместить свою злобу на медперсонале, Руди быстро добавил, безо всякой угрозы в голосе, лишь делаясь полученной информацией:

– Полиция уже едет сюда. Они хотят отобрать у вас младенца.

– Мой сын принадлежит мне! – яростно прорычал Конрад Бизо. – Я пойду на все, лишь бы его не воспитывали воздушные гимнасты.

Балансируя на тонкой грани между ловким манипулированием собеседником и желанием остаться в живых, мой отец сказал:

– Он станет величайшим представителем вашей профессии, лучшим клоуном, шутком,

арлекином, паяцем.

– Именно так, – злоба вдруг исчезла из голоса убийцы. – Да, величайшим. Станет! И я никому не позволю лишить моего сына того, что предназначено ему судьбой.

С сыном и пистолетом Бизо прошел мимо моего отца к короткому коридору, свернул в него, переступил через труп медсестры, словно через мокрую тряпку, брошенную уборщицей.

Пытаясь найти хоть какой-то способ остановить безумца, не причинив при этом вреда младенцу, отец мог лишь наблюдать за его уходом.

Когда Бизо добрался до двери в комнату ожидания, он остановился и обернулся, чтобы сказать:

– Я никогда не забуду тебя, Руди Ток. Никогда.

Мой отец так и не смог понять, как расценить эти слова. То ли они были выражением благодарности, то ли угрозой.

Бизо распахнул дверь и скрылся за ней.

Оставшись один, отец тут же поспешил в первую «родилку», потому что прежде всего его заботили моя мать и я.

Ни медсестер, ни врача там он не нашел, мать лежала на той же кровати, на залитых кровью простынях, с посеревшим лицом, мокрая от пота, но уже в сознании.

Она стонала от боли, моргала, еще не полностью придя в себя.

Вопрос, то ли в тот момент она действительно еще не успела прийти в себя, то ли рассудок у нее временно помутился, по-прежнему обсуждается родителями, и мой отец утверждает, что испугался за ее психику, потому что она сказала: «Если ты хочешь на обед сэндвич Рубена, ты должен сходить на рынок за сыром».

Мама настаивает, что на самом деле она сказала другое: «После этого даже не думай, что я позволю тебе прикоснуться ко мне, сукин ты сын».

Их любовь сильнее, чем желание, привязанность, уважение, настолько сильна, что они относятся к ней с юмором. Юмор – лепесток на цветке надежды, а надежда расцветает на стебле веры. Они верят друг в друга и верят в то, что у жизни есть предназначение, а уж из веры неустанно бьет фонтан юмора, величайшего их дара друг другу... и мне.

Я вырос в доме, где всегда звучал смех. И что бы ни случилось в грядущие дни и годы, смех этот останется со мной навсегда. И потрясающие пирожные.

Да и если говорить о моей жизни, я всегда считал, что смех – лучшее лекарство от сердечных страданий, бальзам для любого несчастья. Но я не собираюсь использовать смех в виде ширмы, чтобы скрыть от вас ужас и отчаяние. Мы будем смеяться вместе, но иногда смех приносит боль.

А потому...

Поехала ли у матери крыша или она была в здравом уме, возлагала ли на отца вину за страдания в родах или обсуждала необходимость покупки сыра, они оба, по большому счету, одинаково описывают случившееся позже. Отец заметил телефонный аппарат на стене около двери и вызвал подмогу.

То был не настоящий телефон, а аппарат внутренней связи, и стандартную клавиатуру заменяли четыре клавиши с надписями: «АДМИНИСТРАЦИЯ», «АПТЕКА», «СЛУЖБА ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ» и «СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ».

Отец нажал на клавишу «СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ», как только на другом конце провода сняли трубку, сообщил об убитых, о том, что убийца, в костюме клоуна, пытается

покинуть больницу, а Мэдди нуждается в срочной медицинской помощи.

Моя мать, лежащая на кровати, уже полностью пришла в себя, потому что спросила: «А где мой малыш?»

Все еще прижимая трубку к уху, отец повернулся к ней, в изумлении и тревоге.

– Ты не знаешь, где он?

Попытавшись сесть, моя мать скривилась от боли.

– А как я могу знать? Я же потеряла сознание. Ты сказал, что кого-то застрелили? Господи, кого? Что случилось? *Где мой ребенок?*

Хотя в «родилке» окон не было и ее отделяли от окружающего мира коридоры и другие помещения, мои родители уже слышали нарастающий вой полицейских сирен.

Отцу вдруг вспомнился безумец Бизо, с пистолетом в одной руке, завернутым в одеяло младенцем на сгибе другой. В горло выплеснулась желчь, сердце забилося еще быстрее.

Возможно, в родах умерли и жена, и ребенок Бизо. Возможно, на сгибе руки клоуна лежал не его ребенок, а Джеймс (или Дженнифер) Ток.

«Я подумал: «Моего ребенка похитили», – так говорит отец, описывая этот момент. – Я подумал о ребенке Линдберга и Френке Синатре-младшем, которых похитили ради выкупа, о Маугли и Тарзане, которых воспитали дикие животные, и хотя мысли эти были совершенно неуместны, все они пришли в голову. Мне хотелось кричать, но я не мог вымолвить ни звука, чувствовал себя как тот краснолицый младенец, который молча раскрывал рот, а когда подумал о нем, сразу понял, что это был ты, не его ребенок, а мой Джимми».

Осознав, что он должен найти и остановить Бизо, отец бросил телефонную трубку, метнулся к открытой двери в коридор... и чуть не столкнулся с Шарлен Коулман, медсестрой, которая несла младенца.

Лицом пошире, чем у того, что Бизо унес в грозовую ночь, и кожа была розовой, а не красной. Согласно отцу, чистые, синие глаза младенца сияли, словно он восторгался миром, где ему предстояло жить.

– Я спрятала вашего ребенка, – сказала Шарлен Коулман. – Спрятала от этого ужасного человека. Я поняла, что от него нужно ждать беды, как только он привел сюда жену. Он пришел в этой ужасной шляпе и даже не извинился за то, что не снимает ее.

Мне бы хотелось лично подтвердить, что Шарлен насторожил не клоунский грим Бизо, не открыто высказываемая ненависть к родственникам жены, воздушным гимнастам, не безумные, горящие огнем глаза, а всего лишь мятая шляпа-пирожок. К сожалению, мне был лишь час от роду, я еще не выучил английского и даже не понимал, кто эти люди и какое они имеют ко мне отношение.

Дрожа от облегчения, отец взял меня из рук Шарлен и отнес матери.

После того как медсестра подняла изголовье кровати, на которой рожала Мэдди, и подложила ей под спину еще пару подушек, мама смогла взять меня на руки.

«Очень надеюсь, что ты, Маленькие Синие Глазки, докажешь, что я не зря прошла через всю эту боль. Потому что, если ты окажешься неблагодарным ребенком, я превращу твою жизнь в ад», – отец клянется, что это были первые слова, с которыми она обратилась ко мне.

Вся в слезах, потрясенная случившимся, Шарлен рассказала, что произошло в родильном отделении, и объяснила, как ей удалось унести меня в безопасное место после того, как началась стрельба.

В возникшей ситуации, когда две женщины рожали одновременно и тяжело, доктор Макдональд в столь поздний час не смог быстро найти второго квалифицированного врача-акушера. Он разрывался между двумя пациентками, переходя из одной «родилки» в другую, в свое отсутствие полагаясь на помощь медсестер. Его работа осложнялась еще и тем, что в сети периодически падало напряжение, лампы меркли, и он тревожился, успеет ли включиться автономный генератор больницы, если будет прервана централизованная подача электроэнергии.

Натали Бизо не прошла необходимые дородовые обследования. Она не знала, что у нее преэклампсия^[9]. Во время родов развилась эклампсия^[10], сопровождаемая сильнейшими судорогами, которые не купировались и угрожали не только ее жизни, но и жизни еще не родившегося младенца.

Тем временем и у моей матери роды проходили с отклонением от нормы, главным образом из-за того, что шейка матки никак не раскрывалась. Внутривенное капельное введение раствора окситоцина^[11] поначалу не привело к значительному усилению сокращений матки, достаточному для того, чтобы вытолкнуть меня из нее.

Натали родила первой. Доктор Макдональд сделал все возможное, чтобы спасти ее, поставил трахеотомическую трубку для облегчения дыхания, сделал несколько инъекций противосудорожных препаратов, но высоченное кровяное давление в сочетании с судорогами привели к гемаррогическому инсульту, который ее и убил.

Когда была перерезана и завязана пуповина между младенцем Бизо и его умершей матерью, у моей матери, которая все еще пыталась вытолкнуть меня на свет божий, внезапно раскрылась шейка матки.

И началось шоу Джимми Тока.

Прежде чем сообщить Конраду Бизо о том, что тот приобрел сына и потерял жену, доктор Макдональд принял меня и, согласно Шарлен Коулман, объявил, что это маленькая, но крепенькая кроха наверняка вырастет в звезду футбольных полей.

Наконец-то вытолкнув меня из матки, моя мать, совершенно обессиленная, лишилась чувств. Она не услышала предсказания доктора и не увидела моей широкой, розовой, изумленной мордашки, пока моя спасительница Шарлен не вернулась в «родилку», где и вручила меня отцу.

После того как доктор Макдональд передал меня медсестре Коулман, чтобы помыть и завернуть в белую пеленку, и убедился, что моя мать лишилась чувств от усталости и скоро придет в себя, с помощью нюхательных солей или без оных, он снял с рук резиновые

перчатки, стянул на шею хирургическую маску и пошел в комнату ожидания для отцов, чтобы в меру своих возможностей утешить Конрада Бизо.

И тут же оттуда донеслись злобные, яростные крики: параноидные обвинения, грязные ругательства.

Сестра Коулман услышала их, несмотря на звукоизоляцию «родилки». Поняла, что эти крики – реакция Конрада Бизо на смерть жены.

Когда она вышла из «родилки» в коридор, чтобы лучше расслышать, чем недоволен Бизо, интуиция подсказала ей, что следует захватить с собой и меня, уже завернутого в пеленку и тоненькое одеяльце.

В коридоре она увидела Лоис Хансон, другую медсестру, которая держала на руках ребенка Бизо. Лоис тоже выскочила в коридор, встревоженная криками клоуна.

Лоис допустила роковую ошибку. Не прислушавшись к совету Шарлен, она направилась к закрытой двери в комнату ожидания, надеясь, что вид новорожденного сына успокоит Бизо и смягчит горе, вызвавшее приступ дикой ярости.

Шарлен, она недавно развелась с частенько поколачивающим ее мужем, понимала, что отцовским чувствам не успокоить разъяренного мужчину, который отреагировал на печальное известие злобными угрозами, а не слезами. Кроме того, она помнила, что клоун, не снявший в помещении шляпу, не отличается хорошими манерами. Так что Шарлен почувствовала: быть беде, большой беде.

И она отступила по коридору в палату для новорожденных. Закрывая за нами дверь, услышала выстрел, оборвавший жизнь доктора Макдональда.

В палате рядами стояли кровати, в которых лежали новорожденные. В большинстве своем они спали, двое-трое гукали, никто не кричал. Огромное окно занимало большую часть длинной стены, но в данный момент по другую его сторону не стояли ни гордые отцы, ни бабушки с дедушками.

За новорожденными присматривали две медсестры. Они слышали как крики, так и выстрел, поэтому, в отличие от Лоис, нашли дельным совет Шарлен.

Она заверила их, что обезумевший клоун не причинит вреда младенцам, но наверняка убьет всех сотрудников больницы, которые попадутся ему на глаза.

Тем не менее, прежде чем покинуть палату, каждая из медсестер прихватила по одному новорожденному, тревожась о тех, кого пришлось оставить. Еще более испуганные вторым выстрелом, они последовали за Шарлен в дверь у обзорного окна, которая вела из родильного отделения в главный коридор.

Втроем, вместе с младенцами, они укрылись в палате, где, ни о чем не подозревая, крепко спал какой-то старик.

Ночник на прикроватном столике практически не разгонял темноту, но комната то и дело освещалась вспышками молний.

Боясь даже вздохнуть, три медсестры сбились в кучку и простояли так, пока издали не донесся вой полицейских сирен. Шарлен тут же подошла к окну, которое выходило на залитую дождем автомобильную стоянку перед больницей.

Она надеялась увидеть подкатывающие на полной скорости патрульные машины, но увидела лишь шлепающего по лужам Бизо со своим сыном на руках. Он выглядел как персонаж фильма ужасов, жуткий незнакомец, крадущийся в ночи. Не составляло труда представить себе, что это ночь после конца света, когда разверзлась земля, выпустив на поверхность легионы проклятых. Одного из них она видела перед собой.

Шарлен родилась в Миссисипи и была баптисткой, душу которой заполняла поэтика Юга.

Бизо припарковал свой автомобиль так далеко, что за пеленой дождя и в желтом свете натриевых ламп Шарлен не смогла определить ни марку, ни модель, ни даже цвет машины. Она наблюдала, как клоун отъезжает, в надежде что полиция успеет перехватить его до того, как он выедет на шоссе, но лишь увидела, как задние огни растворились в темноте.

Как только угроза миновала, Шарлен вернулась в палату для новорожденных, практически в тот самый момент, когда в голову моего отца полезли мысли об убийстве похищенного ребенка Линдберга, о Маугли и Тарзане, воспитанных зверьем, и заверила его, что клоун-убийца не смог меня похитить.

Потом мой отец убедился, что время моего рождения, рост и вес полностью соответствовали предсказаниям его отца, лежащего на смертном одре. А первое доказательство того, что события в палате интенсивной терапии были не просто экстраординарными, но сверхъестественными, он получил, по словам моей матери, развернув одеяло и пеленку. Посмотрел на мои ножки и увидел сросшиеся пальчики, как и предсказал Джозеф.

– Синдактилия, – выдохнул мой отец.

– Это можно исправить, – заверила его Шарлен. Потом ее глаза изумленно раскрылись. – Откуда вы знаете этот медицинский термин?

Мой отец лишь повторил: «Синдактилия» – и нежно, с любовью, изумленно погладил мои сросшиеся пальчики.

Синдактилия – не просто физический недостаток, с которым я родился, но характерная черта всех моих тридцати прожитых лет. Многие частенько срачивалось самым неожиданным образом. Мгновения, разделенные долгими годами, сливались воедино, словно пространственно-временной континуум складывала какая-то неведомая сила. Люди, которые не знали друг друга, вдруг обнаруживали, что объединены общей судьбой, совсем как два пальца, соединенные кожаной перемычкой.

Хирурги так давно разъединили пальцы на моих стопах, что у меня не осталось никаких воспоминаний об этой операции. Я хожу, бегаю, если возникает необходимость, и танцую, пусть и не очень хорошо.

При всем моем уважении к памяти доктора Ферриса Макдональда, я так и не стал звездой футбольных полей, да и не хотел им стать. Моя семья никогда не интересовалась спортом.

Зато мы все большие и верные поклонники слоеных пирожков, эклеров, пирогов с вареньем, тортов, пирожных, булочек, бисквитов, пропитанных вином и залитых сбитыми сливками, а также знаменитых пирогов с сыром и брокколи, сэндвичей Рубена и всех прочих блюд, которые готовит моя мать. Мы без сожаления променяем переживания и славу всех игр и турниров, придуманных человечеством, на семейный обед за разговорами и смехом, который не стихает до последнего глотка кофе.

С течением лет я вырос с двадцати дюймов до шести футов. И вес мой с восьми фунтов и десяти унций увеличился до ста восьмидесяти восьми фунтов, что доказывает высказанное выше утверждение: я, конечно, парень крепкий, но не такой уж детина, каким кажусь большинству людей.

Пятое предсказание моего деда (все будут звать меня *Джимми*) также подтвердилось.

Даже встретив меня впервые, люди, похоже, думают, что Джеймс – слишком формально, Джим – излишне коротко. Даже если я сам представляюсь как Джеймс, подчеркиваю, что обращаться ко мне следует именно так, а не иначе, они все равно называют меня Джимми, с такой фамильярностью, будто знали с младенчества, когда у меня были розовые щечки и сросшиеся пальчики на стопах.

Я записываю все это на магнитофонную ленту в надежде, что смогу прожить достаточно долго, чтобы сделать распечатку текста и отредактировать его. Я сумел пережить четыре из пяти ужасных дней, предсказанных моим дедом Джозефом. Они все оказались ужасными, пусть и по-своему, события случившиеся в те дни, были неожиданными и страшными, не обошлось, разумеется, и без трагедий, но хватало и другого. Многого, многого другого.

И теперь... надвигался еще один ужасный день. Последний.

* * *

Мои отец и мать и я сам двадцать лет притворялись, будто точность первых пяти пророчеств Джозефа не является необходимым и достаточным доказательством того, что исполнятся и его следующие пророчества. Мои детские и юношеские годы прошли легко и непринужденно, не давая повода подумать о том, что судьба уготовила мне какие-то

потрясения.

Тем не менее первый из названных дней, 15 сентября 1994 года, четверг, приближался, и мы заволновались.

Мама за день стала выпивать по двадцать чашек кофе вместо обычных десяти.

Кофеин так странно на нее действует. Успокаивает, вместо того чтобы будоражить.

Если за утро ей не удастся выпить положенные три чашки кофе, к полудню она не находит себе места, совсем как рассерженная муха, бьющаяся об оконное стекло. Если к тому времени, когда пора ложиться спать, не выпито восемь чашек, ее мучает бессонница, и она лежит в кровати такая бодрая, что может не только насчитать тысячу овечек, но каждой дать имя и придумать забавную историю ее жизни.

Папа уверен, что обратное действие кофеина на мать вызвано тем, что ее отец был дальнобойщиком, который поглощал кофеиновые таблетки горстями.

«Может, и так, – иной раз отвечает мать отцу, – но тебе-то чего жаловаться? Когда ты ухаживал за мной, достаточно было влить в меня пять или шесть чашек дешевого кофе, чтобы я становилась податливой, как резиновая лента».

По мере приближения 15 сентября 1994 года волнение отца начало проявляться в загубленных тортах, невкусном заварном креме, подгоревшей корочке пирогов, крем-брюле, консистенцией напоминающем песок. Он не мог сосредоточиться ни на рецептах, ни на духовках.

Полагаю, сам я держался достаточно уверенно. В последние два дня, предшествующих первой из пяти зловещих дат, я, конечно, чаще, чем обычно, ломился в закрытые двери или цеплял ногой за ногу, поднимаясь по лестнице. И, должен признать, уронил молоток на ногу бабушки Ровены, когда вешал для нее картину. Но уронил на ногу, а не на голову, а когда однажды все-таки упал на лестнице, то проехал на заднице только один пролет и ничего не сломал.

Впрочем, была причина, по которой нам удавалось держать волнение под контролем: дедушка Джозеф сказал отцу о «пяти ужасных днях» – не об одном. Так что по всему выходило, что 15 сентября мне доведется пережить, какие бы ужасы ни обрушились на меня в тот день.

– Да, но надо помнить об ампутации конечностей, – предупреждала бабушка Ровена. – А также о параличе и повреждении мозга.

Она – милая женщина, моя бабушка по материнской линии, но очень уж остро чувствует хрупкость человеческой жизни.

Будучи ребенком, я ненавидел те вечера, когда она настаивала, что почитает мне перед сном. Даже если она не отклонялась от классического текста сказки, а проделывала она это часто, и Большой Злой Волк получал заслуженное наказание, бабушка частенько останавливалась в самые захватывающие моменты, чтобы порассуждать, а что могло бы случиться с тремя маленькими поросятами, если бы созданные ими оборонительные редуты рухнули раньше времени, а выбранная стратегия защиты не принесла желаемых результатов. И должен отметить, что переработка на сосиски был далеко не самым худшим вариантом.

Но, так или иначе, менее чем через шесть недель после моего двадцатилетия наступил первый из ужасных дней, уготованных мне судьбой.

Часть 2

Не умея летать, можно и умереть

В среду 14 сентября мои родители и я встретились в их столовой и так плотно пообедали, что потом едва смогли подняться из-за стола.

Мы также собрались и для того, чтобы обсудить оптимальную стратегию, позволяющую выстоять в этот судьбоносный день, до которого оставалось менее трех часов. Мы надеялись, что при должных подготовке и осторожности я смогу вступить в 16 сентября таким же целым и невредимым, какими остались три маленьких поросенка после их встречи с волком.

Бабушка Ровена, присоединившаяся к нам за обедом, выступала с позиции адвоката дьявола, дабы указать на недостатки, которые обнаружила в принимаемых нами мерах предосторожности.

Как всегда, ели мы на отделанном золотом фарфоре Райно Лиможа, столовыми приборами от Буччеллати.

Несмотря на очень дорогие фарфор и столовые приборы, мои родители – люди не такие уж богатые, наша семья относится к достаточно обеспеченному среднему классу. Мой отец, заведующий кондитерским производством, получает вполне приличное жалованье, но к нему не прилагаются опционы акций и полеты на принадлежащих корпорации реактивных самолетах.

Мама тоже вносит свою лепту в семейный бюджет: рисует портреты домашних любимцев. Главным образом кошек и собак, но также кроликов, канареек, а однажды ей пришлось рисовать молочную змею. После того как эту натурщицу привезли попозировать, она никак не хотела отправляться домой.

Маленький викторианский дом моих родителей можно, пожалуй, назвать скромным, но он настолько уютен, что кажется просто роскошным. Потолки невысокие, комнаты не поражают размерами, но обставлены с большим вкусом. Здесь приятно жить, поэтому не стоит винить Эрла за то, что он попытался укрыться за диваном в гостиной, под ванной на гнутых ножках, в ящике для грязного белья, в корзине для картофеля, которая стояла в кладовой, и в разных других местах за те три недели, в течение которых составлял нам компанию. Эрл – та самая молочная змея, о которой я упоминал, и его дом – стерильное место с мебелью из нержавеющей стали и черной кожи, произведениями абстрактного искусства и кактусами вместо домашних растений.

Из всех уютных уголков этого маленького дома, где ты можешь почитать книгу, послушать музыку или посмотреть в окно на сверкающий белым снегом день, столовая, пожалуй, лучше всех. А все потому, что для семьи Ток еда (и веселье, сопровождающее каждую трапезу) – ось, заставляющая вращаться колесо нашей жизни.

Отсюда роскошные фарфор и столовые приборы, соответственно, Лиможа и Буччеллати.

Мы исходим из того, что обед, включающий менее пяти блюд, вовсе и не обед, а первые четыре блюда полагаем лишь подготовкой к пятому, поэтому удивительно, что никто из нас не страдает избыточным весом.

Отец как-то обнаружил, что его лучший костюм из шерстяной материи ему тесноват. Так он три дня обходился без ленча, и в результате все проблемы с костюмом разрешились сами собой.

Необычная реакция организма мамы на кофеин – не единственная странность в наших взаимоотношениях с едой. У обеих ветвей нашей семьи, что у Токов, что у Гринвичей

(Гринвич – девичья фамилия матери), обмен веществ прямо-таки будто у колибри. Эта птаха каждый день съедает количество пищи, которое в три раза превосходит ее собственный вес, и при этом все равно может летать.

Мама однажды предположила, что ее с отцом потянуло друг к другу отчасти и потому, что на подсознательном уровне они сразу поняли, что у них обоих одинаковый, высший тип обмена веществ.

В столовой потолок, пол и нижняя часть стен из красного дерева. Верхняя часть стен обтянута муаровым шелком, на полу – персидский ковер.

Во время обеда хрустальную люстру не зажигают, обедаем мы всегда при свечах.

В тот сентябрьский вечер 1994 года свечи были квадратные, каждая стояла на хрустальном блюдце-подсвечнике, некоторые из обычного воска, другие – из рубиново-красного. Стояли свечи не только на обеденном столе, но и на комодах у стен, отбрасывая мягкий свет на скатерть, наши лица, стены.

Посторонний человек, заглянувший в окно, мог бы подумать, что мы не обедаем, а проводим спиритический сеанс, и пища лишь помогает коротать время до появления духов.

И хотя родители приготовили мои самые любимые блюда, я старался не думать об этом обеде как о последней трапезе приговоренного к смерти.

Пять должным образом приготовленных блюд невозможно съесть так же быстро, как «Хэппи мил» в «Макдоналдсе», тем более что к каждому подавалось свое, тщательно подобранное вино. Поэтому мы настроились на долгий вечер, который нам предстояло провести в компании друг друга.

Папа – шеф-кондитер всемирно знаменитого курорта «Снежный», и должность эту он унаследовал от своего отца, Джозефа. Поскольку все сорта хлеба и выпечки должны быть свежими ежедневно, он уходит на работу в час ночи, как минимум пять дней в неделю, а чаще – шесть. К восьми утра, когда выпекается все, что заказано на день, он возвращается домой. Завтракает с мамой, а потом спит до трех часов дня.

В том сентябре я работал точно так же, как он, поскольку уже два года был учеником пекаря на том же курорте. Семья Ток верит в протекцию родне.

Папа говорит, что никакая это не семейственность, когда у тебя есть настоящий талант. Если дать мне хорошую духовку, я могу составить достойную конкуренцию кому угодно.

И действительно, на кухне от моей неуклюжести не остается и следа. Когда дело доходит до выпечки, я – Джин Келли^[12], я – Фред Астер^[13], я – само изящество.

После нашего обеда отцу предстояло идти на работу, мне – нет. Готовясь к первому из пяти ужасных дней, предсказанных дедушкой Джозефом, я взял недельный отпуск.

Начали мы с ачмы, грузинского блюда, – тончайших слоев теста, которые перемежались со слоями сыра и масла, с золотистой корочкой поверху.

В то время я еще жил с родителями, поэтому отец сказал:

– Тебе следует оставаться дома с полуночи до полуночи. Не высывайся. Спи, читай, смотри телевизор.

– Тогда случится вот что, – встряла бабушка Ровена, – он упадет с лестницы и сломает шею.

– Не пользуйся лестницей, – предложила мать, – оставайся в своей комнате, сладенький. Еду я буду тебе приносить.

– Тогда, скорее всего, сгорит дом, – не сдавалась Ровена.

– Нет, домне сгорит, – возразил отец. – Электрическая проводка хорошая, плита новая,

дымоходы в обоих каминах недавно прочистили, на крыше установлен громоотвод, а Джимми не играет со спичками.

В 1994-м Ровене исполнилось семьдесят семь лет, двадцать четыре года она прожила вдовой, так что отгоревала положенное. Женщиной она была хорошей, но уж больно упрямой. Ее попросили взять на себя роль адвоката дьявола, и она упорно гнула свое.

– Если не будет пожара, то взорвется газ.

– Ровена, – пытался урезонить ее отец, – во всей истории Сноу-Виллидж не было случая, когда взрыв бытового газа уничтожил дом.

– Тогда на дом упадет авиалайнер.

– Да, такое в наших местах случается раз в неделю, – вздохнул отец.

– Все всегда бывает впервые, – ответила Ровена.

– Если наш дом может стать первым, на который упадет авиалайнер, то с той же вероятностью в соседнем доме могут поселиться вампиры. Однако, будь уверена, с завтрашнего дня я не начну носить на шее чесночное ожерелье.

– Если не авиалайнер, то самолет «Федерал экспресс»^[14], набитый посылками.

Отец вытаращился на нее, покачал головой.

– «Федерал экспресс»!

Мать сошла нужным вмешаться:

– Мама хочет сказать, если судьба заготовила для нашего сына какую-то пакость, ему от нее не укрыться. Судьба есть судьба. Она его найдет.

– Может, самолет «Юнайтед парсел сервис»^[15].

За тарелками дымящегося супа-пюре из цветной капусты и белой фасоли с эстрагоном мы решили, что оптимальный для меня вариант – провести завтрашний день точно так же, как любой нерабочий день, разве что проявлять во всем большую осторожность.

– С другой стороны, – указала бабушка Ровена, – именно осторожность может привести его к смерти.

– Что ты такое говоришь, Ровена? Как осторожность может привести к смерти? – удивился отец.

Бабушка отправила в рот ложку супа, чмокнула губами, чего никогда не делала до того, как ей не стукнуло семьдесят пять, зато потом чмокала часто и с удовольствием.

На полпути от семидесяти к восьмидесяти годам, она решила, что своим долголетием заработала право не отказывать себе в маленьких жизненных удовольствиях. Поэтому чмокала губами, шумно высмаркивалась (за столом – никогда) и после каждого блюда клала ложку и/или вилку на тарелку рабочим концом к краю, тогда как ее мать, знаток этикета, учила Ровену, что, поев, ложку и/или вилку нужно оставить на тарелке рукояткой к краю.

Ровена чмокнула губами вторично и объяснила, каким образом осторожность может быть опасной:

– Предположим, что Джимми нужно перейти улицу, но он опасается, что может угодить под автобус...

– Или под мусоровозку, – вставила мама. – Такие большие грузовики на наших узких улицах. Если откажут тормоза, что их остановит? Конечно же, они въедут прямо в дом.

– Автобус, мусоровозка, даже разогнавшийся катафалк, – покивала Ровена.

– А с какой стати катафалку разгоняться? – любопытствовал отец.

– Разогнавшийся или нет, он остается катафалком, – ответила бабушка. – Разве это не ирония судьбы – угодить под колеса катафалка? Видит бог, у жизни совсем не те шутки,

какие показывают по телевизору.

– Шутки жизни телезрители не поймут, – заметила мама. – Их способность воспринимать истинную иронию напрочь убил сериал «Она написала убийство».

– То, что проходит на ти-ви за шутку, на самом деле огрехи сценария, – поддакнул отец.

– Куда больше мусоровозок я боюсь огромных бетономешалок, которые на ходу перемешивают бетон. Мне всегда кажется, что вращающийся кузов внезапно сорвется, покатится по улице и раздавит меня.

– Хорошо, – кивнула Ровена. – Значит, наш мальчик боится встречи с бетономешалкой.

– Не то чтобы боюсь, – поправил я бабушку, – остерегаюсь.

– Итак, он стоит на тротуаре, смотрит налево, потом направо, осторожничает, выжидает... и вот потому, что он стоит на тротуаре слишком долго, его сбивает падающий сейф.

Отец, как мог, сдерживался, чтобы не прервать столь интересные дебаты, но тут его терпение лопнуло.

– Падающий сейф? Откуда он мог упасть?

– Естественно, из окна высокого здания, – ответила бабушка.

– В Сноу-Виллидж нет высоких зданий, – запротестовал отец.

– Руди, дорогой, – подала голос мама, – ты забываешь про отель «Альпийский».

– В нем всего пять этажей.

– Сейф, пролетевший пять этажей, расплющит нашего мальчика, – настаивала бабушка.

Потом добавила, повернувшись ко мне, сочувственным тоном: – Извини. Я тебя расстроила, дорогой?

– Отнюдь, бабушка.

– Боюсь, это чистая правда.

– Я знаю, бабушка.

– Он бы тебя расплющил.

– Безусловно, – согласился я.

– Это такое ужасное слово – расплющил!

– Да уж, наводит на размышления.

– Мне следовало подумать, прежде чем произносить его. Лучше бы я сказала, убил.

И в красноватом свете свечи Ровена одарила меня улыбкой Моны Лизы.

Я перегнулся через стол и похлопал ее по руке.

Отцу, как шеф-кондитеру, постоянно приходится смешивать множество ингредиентов в точной пропорции, поэтому он уважает математику и причинно-следственную связь гораздо больше матери и бабушки. У них более идеалистический склад ума, и логика у них далеко не в том почете, что у отца.

– С какой стати кому-то ставить сейф на верхний этаж отеля «Альпийский»? – спросил он.

– Разумеется, чтобы хранить в нем ценности, – ответила бабушка.

– Какие ценности?

– Ценности отеля.

Хотя в подобных спорах отцу никогда не удастся взять верх, он продолжает надеяться, что здравый смысл возобладает, если он проявит достаточное упорство.

– А почему им не поставить большой, тяжелый сейф на первом этаже? Зачем затаскивать его наверх?

– Потому что их ценности, несомненно, находятся на верхнем этаже, – ответила мать.

В такие моменты я не могу сказать наверняка, то ли мать разделяет более чем странные взгляды на окружающий мир бабушки Ровены, то ли просто подзуживает отца.

Лицо у нее бесхитростное. Глаза никогда не бегают, всегда ясные. Женщина она прямая. Эмоции понятны, намерения не бывают двусмысленными.

Однако, как говорит отец, при всей ее открытости и прямоте, мама, если у нее возникает такое желание, в мгновение ока может отгородиться от всех глухой стеной, скрывающей истинные чувства.

И он любит ее, в том числе, и за это.

Наш разговор продолжался и за цикорным салатом с грушей, грецкими орехами и сыром, за которым последовала вырезка на картофельно-луковых оладьях и спаржа.

Прежде чем отец прикатил из кухни тележку с десертом, мы уже договорились, что завтрашний знаменательный день я должен провести точно так же, как и любой другой выходной. С осмотрительностью. Но без чрезмерной осторожности.

Наступила полночь.

Потекли первые минуты 15 сентября.

Ничего не произошло.

– Может, ничего и не случится, – сказала мама.

– Что-нибудь случится, – не согласилась с ней бабушка и чмокнула губами. – Что-нибудь случится.

Мы решили к девяти вечера вновь собраться на обед за этим же столом, если раньше тяжелый сейф, свалившийся с высокого здания, не расплющит меня. И вместе будем держаться настороже, чтобы вовремя унюхать запах газа или услышать нарастающий вой падающего самолета.

После легкого десерта, за которым последовал настоящий десерт, кофе при этом лилось рекой, отец ушел на работу, а я помог убрать со стола и помыть посуду.

Потом, где-то в половине второго, прошел в гостиную, чтобы почитать новую книгу, на которую возлагал большие надежды. Люблю детективы, где расследуется убийство.

Жертву нашли уже на первой странице, в багажнике автомобиля. Звали убитого Джим.

Я отложил книгу, взял другую, из стопки на кофейном столике, и вернулся к креслу.

Обложку украшал труп красавицы-блондинки, задушенной ярким широким шелковым поясом, обвивающим шею.

Первую жертву звали Долорес. С довольной улыбкой я сел в кресло.

Бабушка сидела на диване, что-то вышивала. Вышиванием она увлекалась с детства.

Переехав в дом отца и матери почти двадцать лет тому назад, она жила по режиму пекаря, ночами вышивая красивейшие композиции. Моя мать и я придерживались такого же распорядка дня и ночи. Вот и учился я дома, потому что наша семья бодрствовала ночью и спала днем.

В последнее время бабушка в вышивании отдавала предпочтение насекомым. Мне очень нравились ее бабочки и божьи коровки, но я решительно не хотел видеть пауков на чехле моего кресла или таракана на наволочке.

В прилегающей к гостиной нише, которую мама приспособила под студию, она работала над портретом лупоглазого бесшерстного кота с ласковой кличкой Киллер.

Поскольку Киллер терпеть не мог незнакомцев и не желал покидать родной дом, хозяйка снабдила маму фотографиями, с которых она и писала портрет. И хорошо, потому что

шипящий, кусающийся и царапающийся Киллер мог бы изрядно испортить столь приятный вечер.

Гостиная в доме родителей маленькая и отделена от ниши лишь шелковой занавеской. На этот раз мама отдернула занавеску, чтобы приглядывать за мной и в случае возникшей опасности мгновенно прийти на помощь.

Примерно с час мы все молчали, занятые своими делами, а потом мама нарушила тишину:

– Иногда я начинаю тревожиться, а не превращаемся ли мы в семейство Аддамсов^[16].

* * *

Первые восемь часов первого ужасного дня прошли без происшествий, тихо и спокойно.

В четверть девятого утра, с бровями, побелевшими от муки, домой вернулся отец.

– Суфле сегодня получилось ужасное. Ничего не мог с ним поделаться. Как же я буду рад, когда этот день закончится, и я снова смогу сосредоточиться на готовке.

Все вместе мы позавтракали на кухне. А в девять часов, убрав со стола и помыв посуду, разошлись по спальням и спрятались под одеялами.

Возможно, остальные члены моей семьи не прятались, но я точно спрятался. Я верил в предсказания деда, хотя мне и не хотелось в этом признаваться, а потому с каждой прошедшей минутой нервы у меня натягивались все сильнее.

Поскольку спать я ложился в тот час, когда большинство людей начинали рабочий день, мне требовались не только жалюзи, но и тяжелые портьеры, которые отсекали как свет, так и звук. Поэтому в моей комнате было тихо и царила темнота.

Пролежав под одеялом несколько минут, я почувствовал неодолимое желание включить лампу на прикроватном столике. Хотя с самого детства не боялся темноты.

Из ящика прикроватного столика я достал пластиковый чехол, в котором хранилась контрамарка в цирк, врученная патрульным Хью Фостером моему отцу более двадцати лет тому назад. Бумажный прямоугольник три на пять дюймов выглядел как только что напечатанный, если не считать полоску сгиба посередине: отец сложил контрамарку, чтобы она поместилась в бумажнике.

На чистой оборотной стороне отец записал пять дат, продиктованных дедушкой Джозефом, лежавшим на смертном одре.

Переднюю сторону контрамарки занимали слоны и тигры, окружавшие две печатные строчки: «НА ДВА ЛИЦА» – черными буквами, и «БЕСПЛАТНО» – красными.

А по самому низу тянулась еще строчка, которую я за эти годы прочитал бесчисленное число раз: «ГОТОВЬТЕСЬ УВИДЕТЬ НЕЧТО».

В зависимости от настроения, иногда я полагал, что этой надписью зрителей готовили к встрече с чем-то удивительным. Но случалось, что я воспринимал эту надпись иначе: «ГОТОВЬТЕСЬ ПЕРЕПУГАТЬСЯ ДО СМЕРТИ».

Вернув контрамарку в ящик, я какое-то время лежал без сна. Думал, мне уже не уснуть. Но заснул.

Тремя часами позже сел на кровати, мгновенно проснувшись, бодрый. Дрожащий от страха.

Насколько мог помнить, проснулся я не от кошмара. Вроде бы ничего страшного мне не

снилось.

Тем не менее проснулся с какой-то жуткой мыслью. Она так сжала мне сердце, что я едва мог дышать.

Если по жизни меня ждали пять ужасных дней, я, конечно же, не мог умереть в первый из них. Но, как очень даже здраво указала бабушка Ровена, если бы в тот сентябрьский день я и сохранил жизнь, то мог лишиться конечности, повредить мозг, остаться парализованным.

Не мог я исключить и смерти кого-то еще. Кого-то из самых близких мне людей. Отца, матери, бабушки...

И если бы этот день стал ужасным, потому что кто-то из них умер бы болезненной и насильственной смертью, воспоминание о которой преследовало бы меня до конца жизни, тогда я предпочел бы умереть сам.

Я сидел на краю кровати, радуясь тому, что заснул, оставив лампу зажженной. Мои руки были мокрыми от пота и так дрожали, что я не смог бы ни найти в темноте выключатель, ни нажать на него.

Если члены семьи любят друг друга – это счастье. Но чем сильнее мы любим ближайших родственников, тем становимся более уязвимыми перед потерей кого-то из них, горем, одиночеством.

Спать я больше не мог.

Часы показывали половину второго.

До полуночи оставалось менее половины суток, каких-то десять с половиной часов.

Но этого времени вполне хватило бы, что оборвать чью-то жизнь, уничтожить мир, отнять надежду...

За миллионы лет до появления «Туристического телеканала», который наверняка бы сообщил о происходящих изменениях, разразившаяся в глубинах земли буря вздыбила поверхность, превратив ее в череду волн, так что путешественнику, оказавшемуся в этом регионе, постоянно приходилось ехать то вверх, то вниз, и крайне редко – по горизонтали.

Вечнозеленые леса, сосны и ели, освоили как гребни «волн», так и впадины между ними, не только окружив город Сноу-Виллидж, но вольготно себя чувствуя в его пределах.

В городе постоянно проживают примерно четырнадцать тысяч человек. Для большинства из них работа так или иначе связана с природой.

Курорт «Снежный» известен на весь мир горнолыжными склонами и высококачественным обслуживанием. Здесь же немало других отелей и возможностей для занятий разными зимними видами спорта. Туристов в Сноу-Виллидж приезжает много. С середины октября по март население города возрастает чуть ли не на шестьдесят процентов. Но и с марта по октябрь к нам едут, чтобы отправиться в многодневный поход по окрестностям, спуститься по реке на лодках или плотах.

Осень в Скалистых горах наступает быстро, но тот сентябрьский день выдался ясным и тихим. Теплый воздух, полное отсутствие ветра, послеполуденный золотой солнечный свет, создающий впечатление, будто Сноу-Виллидж вырезан из янтаря.

Поскольку дом моих родителей расположен на окраине, я поехал, а не пошел в центр Сноу-Виллидж, где у меня имелись кое-какие дела.

В те дни у меня была семилетняя «Дайтона Шелби Z», входящая в семейство «Доджей». Помимо матери и бабушки, я еще не встретил женщину, которую любил бы так же сильно, как эту маленькую спортивную машину.

К технике у меня нет решительно никаких способностей, и едва ли они появятся. Конструкция и, соответственно, работа автомобильного двигателя для меня такая же загадка, как растущая популярность запеканки с тунцом.

Я любил этот славный маленький «Додж» исключительно за его внешность: плавные обводы, черная краска – стремительные желтые, цвета луны в пору жатвы, полосы. Эта машина была частью ночи, которая спустилась с неба, потеревшись бортами о луну.

Вообще-то у меня нет склонности романтизировать неодушевленные предметы, если их нельзя съесть. Мой «Додж» – редкое исключение.

Прибыв в центр и избежав лобового столкновения с разогнавшимся катафалком, я потратил несколько минут на поиск места для парковки. На большей части Альпийской авеню, нашей главной улицы, парковаться нужно под углом к тротуару. Меня такая парковка не устраивала. Дверца другого автомобиля, небрежно открытая, могла помять борт «Шелби» или содрать краску. Я же любое повреждение автомобиля воспринимал как нанесенную мне рану.

Поэтому я отдавал предпочтение парковке, параллельной тротуару, и нашел свободное место на улице, которая тянулась вдоль одной из сторон Центрального квадратного парка. Этот парк действительно разбит на квадратном участке в самом центре города. Мы, жители Скалистых гор, иногда называем вещи своими именами.

Я поставил «Шелби» в затылок желтому микроавтобусу перед «Дворцом Сноу» – местной достопримечательностью, открытой для туристов одиннадцать месяцев в году. В

сентябре, между двумя туристическими сезонами, «Дворец» закрывался для профилактического ремонта.

Обычно я, само собой, выхожу из автомобиля, открывая водительскую дверцу. И как раз собирался это проделать, когда мимо промчался пикап, практически вплитирку с бортом моего «Доджа», как минимум в два раза превысив разрешенную на этой улице скорость. Если бы я открыл дверцу на несколько секунд раньше, то провел бы осень в больнице и, возможно, встретил бы зиму, не досчитавшись одной или двух конечностей.

В любой другой день я отругал бы про себя безответственного водителя и открыл дверцу. Но не в этот.

Проявив осторожность (надеюсь, не излишнюю), я перебрался на пассажирское сиденье и вышел из «Доджа» со стороны тротуара.

Тут же посмотрел вверх. Никакого падающего сейфа. Пока все шло хорошо.

Основанный в 1872 году на деньги от золотодобычи и строительства железных дорог Сноу-Виллидж – музей викторианской архитектуры под открытым небом. Особенно это касается городской площади, где активно действующее в нашем городе общество охраны памятников старины добилось максимальных успехов. В четырех кварталах, окружающих парк, наиболее популярными строительными материалами были кирпич и известняк, плиты с резными фронтонами над окнами и дверьми, декоративные металлические решетки.

Вдоль улицы росли лиственницы, высокие, конические, старые. Они еще не сменили зеленый летний наряд на золотой осенний.

Я приехал в центр, чтобы зайти в химчистку, банк и библиотеку. Ни одного из этих заведений не было на той стороне парка, где я нашел удобное место для парковки моего автомобиля.

Более всего меня тревожил визит в банк. Случается, банки грабят. И при этом иной раз страдают посторонние люди, к примеру клиенты банка.

Благоразумие подсказывало, что в банк я мог бы заглянуть и на следующий день.

С другой стороны, пусть химическая чистка костюма-тройки из шерстяной ткани еще никогда не приводила к катастрофе, я не сомневался, что в технологическом процессе использовались щелочные, токсические и, возможно, взрывоопасные вещества.

Опять же, учитывая узкие проходы между стеллажами с деревянными полками, уставленными легко воспламеняющимися книгами, библиотеки в случае пожара превращались в огненные ловушки.

В итоге я в нерешительности застыл на тротуаре, где зоны солнечного света рассекались тенями от лиственниц.

Дедушка Джозеф назвал только даты пяти ужасных дней, не указав, чего именно следовало опасаться, вот я и не мог спланировать защиту от какой-либо конкретной напасти. Но всю жизнь готовил себя психологически к тем трудностям, которые могли ожидать меня в эти дни.

Однако эта психологическая подготовка не прибавляла мне спокойствия. Мое воображение наполняло сердце тревогой, по спине бежал холодок.

Пока я оставался в доме, его уют и храбрость ближайших родственников защищали меня от страха. Теперь же я чувствовал себя очень уж уязвимым, чего там, чувствовал себя целью, взятой на мушку неведомым мне охотником.

Паранойя, возможно, свойственна шпионам, политикам, наркоторговцам и копам в больших городах, но пекари страдают ею крайне редко. Жучки в муке или нехватка горького

шоколада в кладовой не кажутся нам происками врагов или свидетельством заговора.

После первой, бурной ночи в моей счастливой жизни не было никаких происшествий, я не нажил ни одного врага и тем не менее, стоя сейчас на тротуаре, поглядывая на окна второго и третьего этажей, я, пожалуй, нисколько бы не удивился, обнаружив в одном из них целящегося в меня снайпера.

До этого момента я почему-то полагал, что источником несчастий, которые обрушатся на меня в эти пять дней, будет не конкретный человек, а природа, то есть речь пойдет об ударе молнии, укусе змеи, инсульте, метеорите. Или это будет несчастный случай, вызванный ошибками, столь свойственными людям. Я говорю о сорвавшемся с кронштейнов вращающемся кузове бетономешалки, сошедшем с рельсов поезде, взорвавшемся баллоне со сжиженным газом.

Даже если бы я получил пулю от банковского грабителя, попав под горячую руку, это тоже следовало расценить как несчастный случай, поскольку я мог прийти в банк и позже, скажем, погуляв в парке и покормив белочек. Правда, они могли меня укусить, заразив бешенством.

Но в тот момент я застыл, как памятник, потому что внезапно меня осенило: неизвестный мне, но совершенно конкретный человек мог сознательно выбрать меня своей целью, напасть на меня только по ему ведомым причинам.

И совсем необязательно, чтобы это был кто-то из моих знакомых. Наоборот, скорее всего, какой-то волк-одиночка. Маньяк-убийца, затаивший зло на все человечество и вымещающий его на незнакомцах, которые случайно оказывались в пределах досягаемости. Воображение тут же нарисовало мне человека с винтовкой, запасшегося не только патронами с полым наконечником, но и высококалорийными шоколадными батончиками, дабы выдержать долгую полицейскую осаду.

Многие стекла сверкали оранжевым, отражая солнечные лучи. Другие оставались черными, располагаясь под таким углом, что солнце в них не отражалось. И за любым мог прятаться невидимый мне снайпер.

Все так же не в силах сдвинуться с места, я вдруг осознал, что обладаю тем самым талантом ясновидения, который продемонстрировал дедушка Джозеф на смертном одре. Снайпер существовал не только в теории: он был здесь, за одним из окон, и указательный палец правой руки уже лежал на спусковом крючке. И не стоило списывать его на мое богатое воображение, я ясно представлял себе и его самого, и свое изрешеченное пулями будущее.

Я попытался двинуться дальше, потом попытался податься назад, но ноги не желали меня слушаться. Я чувствовал: любой шаг в неправильном направлении подведет меня под пулю.

Разумеется, стоя на месте, я являл собой идеальную мишень. Этот веский довод, однако, не смог вывести меня из ступора.

Взгляд мой сместился с окон на крыши, еще более удобное место для снайпера.

Снайпер этот заставил меня забыть обо всем остальном, поэтому я услышал, но не отреагировал на вопрос, пока его не задали повторно:

– Я спрашиваю... вы в порядке?

Только тут я отвлекся от поисков снайпера и перевел взгляд на молодого человека, который стоял передо мной на тротуаре. Темноволосого, зеленоглазого, красивого, как кинозвезда.

Он коротко глянул на крыши, чтобы понять, что там могло меня заинтересовать, потом его удивительные глаза вновь повернулись ко мне.

– Вы неважно выглядите.

Язык у меня вдруг раздулся, заполнив едва ли не весь рот.

– Я... просто... мне там что-то привиделось.

Мое лепетание вызвало у него легкую улыбку.

– Вы хотите сказать, что-то на небе?

Я не мог объяснять, что смотрел исключительно на крыши. Тогда пришлось бы признаться и в другом: я уже практически не сомневался, что на одной из них затаился снайпер.

Так что сказал я совсем иное:

– Да, на небе... что-то... странное, – и тут же понял, что слова эти звучат так же дико, как и признание о снайпере.

– Вы хотите сказать, НЛО? – спросил молодой человек и ослепительно улыбнулся. Такая улыбка сделала бы честь и самому Тому Крузу.

Возможно, он и был известным киноактером, разгорающейся звездой. Многие представители индустрии развлечений проводили отпуск в Сноу-Виллидж и его окрестностях.

Но даже если он и был знаменитостью, я бы его не узнал. Кино меня особо не интересовало, слишком много времени отнимали выпечка, семья и жизнь.

В тот год я посмотрел только один фильм – «Форрест Гамп». И теперь вел себя так, словно имел тот же ай-кью^[17], что и главный герой того самого фильма.

Кровь бросилась мне в лицо, я смущенно забормотал:

– Может, и НЛО. Скорее всего, нет. Не знаю. Сейчас небо чистое.

– Вы в порядке? – повторил он.

– Да, конечно, в полном порядке. А если на небе что и было, так теперь этого уже нет, – я продолжал нести чушь, ничего не мог с собой поделаться.

Но, как бы то ни было, обратившись ко мне, он вывел меня из ступора. Я пожелал ему доброго дня, повернулся, зашагал по тротуару, но на первом же шаге споткнулся, нога зацепилась за выбоину в плите, едва не упал.

С трудом удержавшись на ногах, я не обернулся. И так знал, что он не спускает с меня глаз, а его лицо освещает ироничная ослепительная улыбка.

Я не мог понять, как и почему с потрохами сдался иррациональному страху. Вероятность того, что меня подстрелит снайпер, никак не могла превосходить вероятности похищения инопланетянами.

В твердой решимости взять себя в руки, я напрямик направился к банку.

«Будь, что будет, – подумал я. – Пусть безжалостные налетчики превратят меня в прикованного к постели инвалида, пустив пулю в позвоночник. Все лучше, чем сгореть заживо среди пылающих стеллажей с книгами в библиотеке или отравиться токсичными газами после взрыва в химчистке».

До закрытия банка оставались считанные минуты, поэтому клиентов было мало. Но каждый казался мне подозрительным. Я старался не допустить, чтобы кто-то из них оказался у меня за спиной, выскользнув из поля зрения.

Я не доверял даже восьмидесятилетней старушке с трясущейся головой. Некоторые профессиональные грабители могли прикинуться кем угодно. И кто мог вызвать меньше

подозрений, чем такой вот божий одуванчик? Но бородавка на ее подбородке выглядела совсем уж настоящей.

В девятнадцатом столетии банки строили так, чтобы они производили впечатление. Вот и здесь вестибюль и зал обслуживания встречали клиентов гранитным полом, гранитными стенами, величественными колоннами, бронзовыми барельефами.

Банковский служащий, пересекая зал, уронил гроссбух. Он ударился о гранитный пол с грохотом револьверного выстрела. Я подпрыгнул, но в штаны не наложил.

Я депонировал чек, полученный на работе, снял небольшую сумму наличными и направился к выходу. Едва успел подумать, что вращающаяся дверь может заклинить, как очутился на улице.

Библиотека Сноу-Виллидж носит имя Корнелия Рутефорда Сноу и, пожалуй, великовата для такого маленького городка, как наш. Она занимает красивое здание, облицованное плитами из известняка. Вход охраняют каменные львы, установленные на постаментах в виде раскрытых книг. Львы не режут, не стоят, высоко подняв головы, настороже. Они спят, словно зачитались биографией какого-то политика, которая их и сморила.

Корнелий, на средства которого построили библиотеку, книгами особо не интересовался, но полагал, что от них человеку только польза. Исходил из того, что субсидирование строительства библиотеки расширяет кругозор и повышает эрудицию ничуть не меньше, чем прочтение сотен и сотен томов. Так что по окончании строительства воспринимал себя высокообразованным, начитанным человеком.

Наш город назван не в честь вида ежегодно выпадающих осадков. Свое название он получил от фамилии железнодорожно-горнорудного магната, на чьи деньги был основан: Корнелия Рутефорда Сноу^[18].

В холле библиотеки висит портрет Корнелия. Стальные глаза, усы, бакенбарды, гордость.

Когда я вошел в читальный зал, за столиками никто не сидел. Единственный посетитель стоял у стойки, о чем-то беседовал с Лайонелом Дейвисом, старшим библиотекарем.

Подходя к стойке, я узнал посетителя. Его зеленые глаза блеснули, когда он увидел меня, он дружелюбно и чуть насмешливо улыбнулся, словно сказал Лайонелу: «Я думаю, этот господин возьмет книгу о летающих тарелках».

Я знал Лайонела Дейвиса с детства. Книги были его жизнью, точно так же, как выпечка – моей. У него было доброе сердце и энциклопедические знания, от истории Древнего Египта до «крутого» детектива.

И внешность у него была, словно у доброго кузнеца или прямодушного викария из романа Диккенса. Я очень хорошо знал его лицо, но такое выражение видел впервые.

Он вроде бы широко улыбался, но до глаз улыбка эта не доходила. А тик в левом уголке рта предполагал, что его истинное настроение отражают именно глаза, а не улыбка.

Если бы я и понял, что на лице Лайонела написано предупреждение, то все равно не смог бы ничего сделать, чтобы спасти его или себя. К тому моменту, как я вошел в читальный зал, симпатичный молодой человек с белоснежными зубами уже определился со своими дальнейшими действиями.

Начал с того, что выстрелил Лайонелу Дейвису в голову.

Грохот выстрела оказался не таким громким, как я ожидал.

Почему-то я сразу подумал о том, что в кино используют не настоящие, а холостые патроны и звук, соответственно, накладывают на «картинку» уже после съемок.

И я чуть не огляделся в поисках камер, съемочной группы. Стрелявший был красив, как кинозвезда, выстрел прозвучал негромко, ни у кого не могло быть никаких причин убивать такого милейшего человека, как Лайонел Дейвис, из этого следовало, что увиденное мною – часть некоего сценария, а отснятый фильм выйдет на экраны где-нибудь летом следующего года.

– Сколько мух ты проглатываешь ежедневно, стоя с отвисшей челюстью? – спросил убийца. – Ты хоть когда-нибудь закрываешь рот?

Похоже, я его забавлял, про Лайонела он уже забыл, словно убийство библиотекарей давно вошло у него в привычку и он не видел в этом ничего необычного. Об угрызениях совести я уж не говорю.

Я услышал свой голос, звенящий от злости:

– Что он вам сделал?

– Кто?

Хотя вы можете подумать, что недоумение, прозвучавшее в его голосе было картинным, эдакой бравадой, посредством которой он хотел произвести на меня впечатление собственной жестокостью, уверяю вас, ничего такого не было и в помине. Я сразу понял, что он не связывает мой вопрос с человеком, которого только что убил.

Слово «безумный» характеризовало этого красавца далеко не полностью, но могло послужить отправной точкой для создания его словесного портрета.

Удивленный тем, что страха в моем голосе нет, а вот злости определенно прибавляется, я уточнил:

– Лайонела. Он был хороший человек. Добрый.

– А-а, ты про этого.

– Лайонела Дейвиса. У него были имя и фамилия, знаете ли. А также жизнь, друзья, он был личностью.

Недоумения на лице незнакомца прибавилось, улыбка как-то потускнела.

– Но ведь он был всего лишь библиотекарь?

– Ты – свихнувшийся сукин сын.

Улыбка застыла, лицо побледнело, даже закаменело, вдруг превратившись в гипсовую маску смерти. Он поднял пистолет, нацелил его мне в грудь, и со всей серьезностью заявил:

– Не смей оскорблять мою мать.

Обида, которую вызвали мои слова, столь не вязалась с безразличием, выказанным к жертве, что я нашел ситуацию крайне забавной. Но если бы с моих губ сорвался смешок, этот незнакомец точно меня бы пристрелил.

Глядя на наставленный на меня пистолет, я почувствовал, как страх входит в чертоги моего сознания, но не отдал ему ключи от всех комнат.

Чуть раньше, на улице, мысль о снайпере парализовала меня. Теперь я понимал, что боялся вовсе не снайпера, засевшего то ли на крыше, то ли в окне верхнего этажа. Я пришел в ужас, потому что не знал, снайпер ли действительно ловит меня в перекрестье оптического

прицела, или смертельная угроза исходит откуда-то еще. Если опасность только чувствуется, но нет возможности определить, откуда она исходит, тогда начинаешь бояться всех и вся. Мир становится враждебным от горизонта до горизонта.

Страх перед неизвестным едва ли не самый сильный из страхов, и устоять перед ним зачастую невозможно.

А вот теперь я идентифицировал своего врага. И хотя он мог быть социопатом, способным на любую жестокость, я почувствовал некоторое облегчение, потому что теперь знал его в лицо. Бесчисленные угрозы, которые наводняли мое воображение, растаяли как дым, замещенные одной реальной опасностью.

Его закаменевшее лицо смягчилось. Он опустил пистолет.

Нас разделяли пятнадцать футов, так что я не решался броситься на него. Только повторил:

– Так что он тебе сделал?

Белозубый улыбнулся и пожал плечами.

– Я не пристрелил бы его, если бы не вошел ты:

К распирающей меня злости прибавилась душевная боль, вызванная смертью Лайонела. Голос мой задрожал от горя, не от страха.

– Что ты такое говоришь?

– Одному мне с двумя заложниками не справиться. Он был здесь один. Его помощник заболел. Других читателей в этот момент в библиотеке не было. Он собирался запереть двери... и тут появился ты.

– Только не говори, что я несу ответственность за его смерть.

– О, нет, нет, – заверил он меня, словно его заботили мои чувства. – Твоей вины в этом нет. Такое случается, тут уж ничего не поделаешь.

– Такое случается, – повторил я, в моем голосе звучало изумление. Я и представить не мог, что можно с такой небрежностью говорить об убийстве.

– Я мог бы застрелить тебя, – заметил он, – но, уже повстречавшись с тобой на улице, решил, что ты – более интересная компания, чем старый, занудный библиотекарь.

– А зачем тебе заложник?

– На случай, если возникнут осложнения.

– Какие осложнения?

– Ты увидишь.

Пиджак спортивного покроя сидел на нем достаточно свободно. Из внутреннего кармана он достал наручники.

– Сейчас я брошу их тебе.

– Мне они не нужны.

Он улыбнулся.

– Ты у нас шутник. Поймай их. Защелкни одно кольцо на правой руке. Потом ложись на пол, руки заведи за спину, чтобы я мог закончить работу.

Когда он бросил наручники, я отошел в сторону. Они ударились об один из столиков для чтения, свалились на пол.

Он вновь навел на меня пистолет.

И хотя такое случилось со мной уже во второй раз, легче мне от этого не стало.

Я никогда не держал в руках стрелкового оружия, о самой стрельбе даже не говорю. В моей профессии более всего на оружие тянет нож для резки торта. Возможно, скалка. Но мы,

пекари, не носим скалку в плечевой кобуре, а потому в подобных жизненных ситуациях оказываемся совершенно незащищенными.

– Подними наручники, здоровяк.

Здоровяк. А ведь он не уступал мне ни ростом, ни комплекцией.

– Подними их, а не то я сделаю из тебя второго Лайонела и подожду, пока в библиотеку зайдет еще один заложник.

Я использовал горе и злость, вызванные убийством Лайонела, для подавления страха. Страх мог подчинить меня себе, лишит всего человеческого, но тут я осознал, что бесстрашие может стать причиной моей смерти.

Мудро признав собственную трусость, я наклонился, поднял наручники, защелкнул одно стальное кольцо на правом запястье.

Незнакомец схватил связку ключей со стойки библиотекаря.

– Пока не ложись. Стой, где стоишь, чтобы я видел тебя, пока буду запираю дверь.

Он уже миновал половину пути между стойкой и портретом Корнелия Рутефорда Сноу, когда дверь открылась. Вошла молодая женщина (я ее видел впервые) с несколькими книгами в руках.

Она была красивее апельсинового торта с шоколадной глазурью, украшенного засахаренной апельсиновой цедрой и вишнями.

Я не мог допустить, чтобы этот псих застрелил ее на моих глазах, только не такое очаровательное создание.

Она была красивее шоколадного суфле со взбитыми сливками, которое подают в вазочке от Лиможа на блюде от Лиможа на серебряном подносе при свечах.

Дверь захлопнулась у нее за спиной, она сделала несколько шагов, прежде чем поняла, что попала в необычную ситуацию. Она не могла видеть труп, его скрывала стойка, но заметила наручники на моем правом запястье.

И заговорила потрясающе хрипловатым голосом. Эффект только усиливался от того, что к убийце она обратилась театральным шепотом.

– Это пистолет?

– А что, не похоже?

– Ну, это может быть игрушка. Или действительно настоящий пистолет?

Псих указал пистолетом на меня.

– Хочешь посмотреть, как я его застрелю?

Я почувствовал, что перестал быть самым ценным из заложников.

– Пожалуй, это уже перебор.

– Мне нужен только один заложник.

– Тем не менее, – ее апломб просто потряс меня, – ты мог бы выстрелить в потолок.

Киллер улыбнулся молодой женщине, так же обаятельно, как совсем недавно, на улице, улыбался мне. Пожалуй, на этот раз улыбка получилась даже еще более теплой и восхитительной.

– Почему ты говоришь шепотом?

– Мы же в библиотеке, – прошептала она.

– Обычные правила отменены.

– Ты – библиотекарь?

– Я? Библиотекарь? Нет. Если уж на то пошло...

– Тогда у тебя нет права отменять действующие правила, – она чуть возвысила голос.

– Вот что дает мне это право, – заявил он и выстрелил в потолок.

Она посмотрела на окна. Улица виднелась лишь сквозь зазоры между наполовину закрытыми жалюзи. Когда перевела взгляд на меня, я понял, что выстрел, вернее его громкость, разочаровал и ее. Стены, уставленные книгами, глушили звук. Если бы выстрел слышали снаружи, то подумали бы, что кто-то кашлянул.

Не подав вида, что легкость, с которой киллер пускал в ход оружие, напугала ее, девушка спросила:

– Можно, я положу куда-нибудь эти книги? Они тяжелые.

Киллер пистолетом указал на один из столиков:

– Туда.

Пока женщина клала книги на столик, киллер прошел к двери и запер ее, не спуская с нас глаз.

– Я не собираюсь критиковать ваши действия, – вновь заговорила женщина, – и уверена, в своем деле вы разбираетесь лучше меня, но вы ошибаетесь, заявляя, что вам нужен только один заложник.

Она была так прекрасна, что при других обстоятельствах могла заставить любого парня возжелать ее. Однако теперь меня куда больше интересовали ее слова, а не фигура, ее

дерзость, а не фантастически красивое лицо.

Маньяк, безусловно, также не остался равнодушным к ее прелестям. Судя по выражению его лица, чувствовалась, что женщина очаровала его. И улыбка киллера становилась все шире.

Когда он заговорил, в голосе не слышалось ни резкости, ни сарказма:

– У тебя есть теория насчет заложников или как?

Она покачала головой.

– Теории нет, лишь практические наблюдения. Если дело дойдет до столкновения с полицией, как ты собираешься убеждать копов, что можешь убить человека, что не блефуешь?

– И как? – спросили мы одновременно.

– Тебе не удастся заставить их поверить. Одними словами сомнений не рассеять. Поэтому они попытаются добраться до тебя, а в результате и ты, и заложник, скорее всего, погибнете.

– Убеждать я умею очень даже неплохо, – он говорил таким тоном, будто собирался уговорить ее прийти к нему на свидание.

– Будь я копом, никогда бы тебе не поверила. Слишком уж ты смазлив. – Она повернулась ко мне. – Он слишком смазлив, не так ли?

Я едва не ответил, что не так уж он, по моему разумению, и смазлив. Так что вы теперь понимаете, что в ее присутствии голова просто перестает соображать.

– А вот если у тебя два заложника, – продолжила она, не дождавшись моего ответа, – ты можешь убить одного и таким образом доказать, что твоя угроза – не пустые слова. Вот после этого второй станет действительно надежным щитом. Ни один коп не решится испытывать тебя на прочность дважды.

Несколько мгновений он пристально смотрел на нее.

– Ну, ты даешь, – сказал наконец он. Понятное дело, логика ее рассуждений произвела на него должное впечатление.

– Все просто, – она указала на книги, которые положила на столик. – Я читаю и думаю, ничего больше.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Лорри.

– Лорри?..

– Лорри Линн Хикс. А тебя?

Он уже открыл рот, почти сказал свое имя, но улыбнулся и передумал.

– Я – человек-тайна.

– И, судя по всему, прибыл сюда с каким-то заданием.

– Я уже убил библиотекаря, – сообщил он с таким видом, будто убийство возвышало его в ее глазах.

– Этого я и боялась, – вздохнула она.

Я откашлялся.

– Меня зовут Джеймс.

– Привет, Джимми, – и, хотя она улыбалась, в ее глазах я прочитал безмерную грусть. Возможно, она уже прикинула, кому из двух заложников суждено умереть первым.

– Встань рядом с ним, – приказал маньяк.

Лорри подошла ко мне. Пахла она так же хорошо, как выглядела: чистотой, свежестью,

ЛИМОНОМ.

– Пристегнись к нему.

Когда она закрепила второе кольцо наручников на запястье левой руки, связав, таким образом, наши судьбы, я почувствовал, что должен сказать ей что-нибудь успокаивающее. Чтобы хоть чуть-чуть разогнать грусть, которую увидел в ее глазах.

– Ты пахнешь, как лимоны.

– Я весь день готовила лимонный мармелад. Вечером хотела снять пробу, с оладьями.

– Я сварю горячий шоколад с корицей, – пообещал я. – Им и отметим наше освобождение, вместе с твоими оладьями и мармеладом.

Конечно же, она оценила мою уверенность в том, что мы выживем, но полностью тревога и грусть из ее глаз не ушли.

Маньяк взглянул на часы.

– Все это заняло больше времени. Мне нужно много чего просмотреть, прежде чем начнутся взрывы.

Все наши «вчера» аккуратно лежали на полках, желтели и становились более хрупкими под библиотекой, в бумажных катакомбах.

Киллер знал, что более ста лет годовые подшивки «Сноу каунти газетт» занимали свое место в подвале, на два этажа ниже городской площади. В городе эти подшивки называли «бесценным архивом нашей истории». В этом морге обрели вечность подробности благотворительных продаж выпечки герлскаутами, страсти, кипевшие на выборах школьных советов, битвы, связанные с решением хозяев кафе «Пончики» расширить свое заведение, вытеснив бакалейную лавку.

Все подшивки начиная с 1950 года любой желающий мог просмотреть на микроплёнке. Если же кому-то хотелось копнуть глубже, приходилось заполнять бланк-требование на конкретный номер газеты, который потом и просматривался в присутствии библиотечного работника.

Конечно, на того, кто без всякой на то причины пристреливал библиотекарей, стандартные правила не распространялись. Маньяк рылся в архиве и приносил добычу на столик для чтения. С пожелтевшими газетными подшивками он обращался безо всякого почтения, словно имел дело с последним номером «Ю-эс-эй тудей».

Меня и Лорри Линн Хикс он усадил на пару стульев в противоположном конце большой комнаты, где и работал. Мы находились слишком далеко, чтобы понять, какие именно статьи «Газетт» его заинтересовали.

Мы сидели под бетонным сводчатым потолком. Комната освещалась двумя рядами покрытых толстым слоем пыли ламп, яркость которых могла устроить только тех, кто жил на заре эпохи электричества и хорошо помнил, какой свет давали масляные лампы и газовые рожки.

Еще одними наручниками наш тюремщик прикрепил цепь между кольцами, охватывающими наши запястья, к перекладине одного из стульев, на которых мы сидели.

Поскольку не все архивные материалы хранились в этой комнате, изредка он уходил в соседние, оставляя нас вдвоем. Его отсутствие не давало нам шанса на побег. Скованные одной цепью и таща за собой стул, мы не могли ни развить большую скорость, ни двигаться бесшумно.

– У меня в сумочке есть пилка для ногтей, – прошептала Лорри.

Я посмотрел на ее руку, пристегнутую к моей. Сильная, но изящная кисть. Длинные тонкие пальцы.

– Ногти у тебя отлично смотрятся.

– Ты серьезно?

– Абсолютно. И цвет лака мне нравится. Такой же, как бывает у засахаренной вишни.

– Он называется «Glacage de Framboise»^[19].

– Неправильное название. Малина, с которой я работал, никогда не имела такого оттенка.

– Ты работаешь с малиной?

– Я – пекарь, собираюсь стать кондитером.

– Ты выглядишь куда более грозным, чем кондитер, – в ее голосе слышалось разочарование.

– Ну, я великоват для своего размера.

– Как так?

– И у пекарей обычно сильные руки.

– Нет, – она покачала головой, – все дело в твоих глазах. Есть в них что-то такое, вселяющее опаску.

Да, юношеская мечта вдруг стала явью: красавица говорит тебе, что твои глаза вселяют страх.

– Взгляд у тебя прямой, сами глаза синие, но есть в них что-то безумное.

Глаза безумца – опасные глаза, все так, но это не романтическая опасность. У Джеймса Бонда опасные глаза. У Чарльза Мэнсона – безумные. Чарльз Мэнсон, Осама бен Ладен, Злой Койот^[20]... Женщины выстраивались в очередь, чтобы заполучить Джеймса Бонда, но у Злого Койота свидания постоянно обламывались.

– Я упомянула пилку для ногтей по той причине, что она – металлическая, а конец у нее острый, так что ее можно использовать, как оружие.

– Ага, – тупо ответил я. И, пожалуй, уже не мог утверждать, что ее красота – единственная причина моего внезапного поглупения. – Но он же забрал твою сумочку.

– Может, мне удастся ее вернуть.

Ее сумочка лежала на том самом столе, где киллер пролистывал старые подшивки «Сноу каунти газетт».

Когда он покинул бы помещение в следующий раз, мы, наверное, могли бы подняться, насколько позволяли наручники, приковавшие нас к стулу, чтобы вместе с ним добраться до сумочки. Но производимый нами шум наверняка привлек бы его внимание, и он вернулся бы до того, как мы успели бы реализовать задуманное.

Конечно, мы могли бы пересекать комнату медленно и осторожно, практически бесшумно, напоминая сиамских близнецов, лавирующих на минном поле, но в этом случае не успели бы добраться до сумочки до его возвращения.

Вероятно, мысли мои она читала с той же легкостью, с какой распознала безумие в моих глазах.

– Я имела в виду совсем другое. Подумала, если попрошусь в туалет по срочному женскому делу, он позволит мне взять сумочку.

Срочное женское дело.

Может, сказался шок от того, что предсказание деда реализовалось, может, из головы не выходил убитый библиотекарь, но я все думал и думал, что же означают эти три слова.

Почувствовав мое недоумение, чем совершенно меня не удивила, Лорри пояснила:

– Если я скажу, что у меня месячные и мне срочно нужно поменять тампон, я уверена, что он поведет себя как джентльмен и позволит взять с собой сумочку.

– Он – убийца, – напомнил я ей.

– Но он не кажется мне таким уж грубым убийцей.

– Он застрелил Лайонела Дейвиса в голову.

– Это не означает, что ему чужда галантность.

– Я бы не стал на это рассчитывать.

Она скорчила раздраженную гримаску, но все равно осталась чертовски красивой.

– Я очень надеюсь, что ты – не законченный пессимист. Это уже чересчур, попасть в заложники к убийце библиотекаря, да еще оказаться прикованной к законченному пессимисту.

Я не собирался с ней спорить. Мне хотелось ей понравиться. Каждому парню хочется понравиться красивой женщине. Тем не менее я не мог согласиться с такой характеристикой.

– Я – не пессимист, а реалист.

Она вздохнула.

– Так говорят все пессимисты.

– Ты увидишь, – пообещал я. – Я – не пессимист.

– А я – неустанная оптимистка, – сообщила она мне. – Ты знаешь, что такое неустанная?

– Пекарь и необразованный – это не синонимы, – заверил я ее. – Ты не единственная читательница и мыслительница в Сноу-Виллидж.

– Так что означает неустанный?

– Не знающий устали. Настойчивый, упорный.

– Именно, *не знающий устали*. Я не знающая устали оптимистка.

– Тогда тебя следовало назвать не Лорри, а Полианна^[21].

В пятидесяти футах от нас киллер, ранее покинувший комнату, вернулся к столу, нагруженный пожелтевшими газетами.

Лорри не отрывала от него взгляда. В ее глазах читалась расчетливость хищницы.

– Выбрав удобный момент, – прошептала она, – я скажу, что у меня срочное женское дело и мне нужна сумочка.

– Пилке для ногтей, даже острой, с пистолетом не справиться, – запротестовал я.

– Снова ты за свое. Законченный пессимист. Таким нельзя быть даже пекарю. Если ожидать, что все торты подгорят, так и будет.

– Мои торты никогда не подгорают.

Она изогнула бровь.

– Это ты так говоришь.

– Ты думаешь, что сможешь ударить его в сердце, и оно остановится, как часы, в которых лопнула пружина? – спросил я, подпустив в голос лишь малую толику сарказма, чтобы она не смогла уменьшить мои шансы добиться ее согласия пообедать со мной, если мы оба сможем пережить этот день.

– Ударить в сердце? Конечно же, нет. В крайнем случае бить нужно в шею, стремясь попасть в сонную артерию. А наилучший вариант – удар в глаз.

Выглядела она как мечта любого мужчины, а вот говорила что-то кошмарное.

Должно быть, у меня опять отвисла челюсть. А потом я пролепетал:

– Удар в глаз?

– Если вогнать пилку достаточно глубоко, то можно достать и до мозга, – она кивнула, показывая, что такой расклад полностью ее устраивает. – Он содрогнется, выронит пистолет, а если не выронит, то будет столь потрясен, что мы без труда завладеем его оружием.

– Господи, ты хочешь кратчайшим путем отправить нас на тот свет.

– Сколько же можно талдычить одно и то же!

– Послушай, – я попытался урезонить ее, – когда дойдет до дела, на такое тебе не хватит духа.

– Конечно же, хватит, речь ведь пойдет о спасении моей жизни.

Встревоженный ее спокойной уверенностью, я гнул свое:

– В последний момент ты дашь задний ход.

– Напрасно ты так думаешь.

– Ты уже втыкала кому-нибудь в глаз пилку для ногтей?

– Нет. Но ясно представляю себе, как я это сделаю.

Вот тут я уже не смог сдержать сарказма:

– Ты у нас кто, профессиональный убийца?

Она нахмурилась.

– Говори тише. Я учу людей танцевать.

– И втыкание пилки в глаз – один из балетных элементов?

– Разумеется, нет, глупый. Я учу не балету. Танцам. Фокстрот, вальс, румба, танго, ча-ча-ча, свинг и так далее.

Вот так со мной всегда: появляется возможность поближе познакомиться с красивой женщиной, и тут же выясняется, что она учит танцам, тогда как я – увалень.

– Ты дашь задний ход, – настаивал я, – и ты промахнешься, а потом он нас застрелит.

– Даже если я промахнусь, а я не промахнусь, будь уверен, но даже если я промахнусь, он нас не застрелит. Ты что, не слушал его? *Ему нужны заложники.*

Я с ней не согласился.

– Ему не нужны заложники, которые пытаются воткнуть пилку для ногтей в его глаз.

Она закатила глаза, словно обращаясь к небесам над потолком.

– Господи, ну почему меня приковали не только к пессимисту, но и к трусу?!

– Я не трус. Всего лишь проявляю благоразумную осторожность.

– Так говорит каждый трус.

– Так говорит и каждый человек, проявляющий благоразумную осторожность, – ответил я, надеясь, что в голосе нет извиняющихся ноток.

В дальнем конце комнаты маньяк начал лупить кулаком по газете, которую читал. Потом двумя кулаками. Лупил и лупил, как ребенок в истерике.

Лицо у него перекошило, с губ срывались нечленораздельные звуки ярости, словно сознание неандертальца, записанное в генах, пыталось вырваться из цепей времени и ДНК.

Ярость в его голосе сменилась раздражением, потом горем, снова яростью. Он напоминал дикого зверя, который выл, оплакивая невосполнимую потерю.

Он резко отодвинул стул от стола, схватил пистолет. Выпустил все восемь пуль, оставшихся в обойме, в газету, которую читал.

Эхо каждого выстрела отражалось от сводчатого потолка, металось взад-вперед между металлическими шкафами. Я чувствовал, что оно заставляет вибрировать мои зубы.

Поскольку происходило все это двумя этажами ниже поверхности земли, до улицы, скорее всего, не долетало ни звука.

Во все стороны полетели дубовые щепки и клочки пожелтевшей бумаги. Две пули отрекошетили от стола и упали на пол, некоторые клочки бумаги задымились. Резкий запах порохового дыма не смог полностью растворить в себе запах дерева, который источали свежие раны стола.

На какие-то мгновения, когда он продолжал и продолжал нажимать на спусковой крючок, я подумал, что он израсходовал все патроны. Но, разумеется, у него была запасная обойма, может, и несколько.

Перезаряжая пистолет, он определенно собирался выпустить в газету и следующие десять пуль. Однако, едва он загнал обойму в рукоятку, ярость киллера утихла. Он заплакал. Рыдания просто сотрясали его.

Все еще благоухая лимонами – и пороховой дым не мог перебить этот аромат, – Лорри Линн Хикс наклонилась ко мне и прошептала:

– Видишь? Он уязвим, у него есть слабые места.

Я задался вопросом: а может ли избыточный оптимизм классифицироваться как одна из форм безумия?

Заглянув в ее глаза, я увидел, как и прежде, страх, в котором она наотрез отказывалась признаться. Лорри мне подмигнула.

Ее упорное нежелание признать весь ужас нашего положения пугало меня, потому что я находил такое поведение иррациональным, и однако любил ее за это.

Но внезапно меня словно ударило обухом по голове: я вдруг понял, что в конце концов застрелят именно ее. А мне так хотелось, чтобы она осталась жива.

Но я отдавал себе отчет: если мое предчувствие окажется верным, какие бы попытки я ни предпринимал, мне не удастся изменить траекторию пули.

С мокрыми от слез щеками, с зелеными глазами, в которых не было места ни обычным человеческим чувствам, ни сомнениям, маньяк выглядел как пилигрим, который поднялся на вершину горы, зная, что его ждет и зачем он туда пришел.

Он отцепил нас от стула, но оставил скованными между собой.

– Вы оба – местные? – спросил он, когда мы поднялись.

После его неадекватного приступа ярости и последующего эмоционального взрыва мне с трудом верилось, что он намерен поболтать о пустяках. Скорее вопрос задавался неслучайно, пусть мы и не знали, с какой целью, а потому ответ мог привести к последствиям, которые мы не могли предугадать.

Из осторожности я предпочел промолчать, похоже, той же логикой руководствовалась и Лорри, потому что и она не произнесла ни слова.

Киллера, однако, такой расклад не устраивал.

– Так что скажешь, Джимми? Это библиотека округа, обычно в нее приходят люди, которые живут неподалеку. Ты живешь в городе или в его ближайших окрестностях?

Я не знал, какой ответ его больше устроит, но почувствовал, что молчанием смогу заработать пулю в лоб. Он же застрелил Лайонела Дейвиса за меньший проступок, вообще безо всякой на то причины.

– Я живу в Сноу-Виллидж, – ответил я.

– И как давно ты здесь живешь?

– Всю жизнь.

– Тебе тут нравится?

– В подвале библиотеки, в наручниках, нет, но в других местах – да.

Улыбался он на редкость обаятельно, а глаза у него сверкали так, словно в них вставили подвижные призмы, которые улавливали свет от многочисленных его источников. Конечно же, другого такого убийцы-маньяка на свете не было. Стоило ему склонить голову или улыбнуться, и у тебя возникало желание подружиться с ним.

– Забавный ты парень, Джимми.

– Я не собирался таким быть, – ответил я, переминаясь с ноги на ногу, потом добавил: – Если, конечно, ты не хочешь, чтобы я забавлял тебя.

– Несмотря на все, что мне пришлось пережить, у меня есть чувство юмора.

– Это заметно.

– А как насчет тебя? – спросил он Лорри.

– У меня тоже есть чувство юмора.

– Безусловно. Ты еще забавнее, чем Джимми.

– Возможно.

– Но я спрашиваю про другое, – уточнил он. – Ты живешь в городе?

Поскольку я уже ответил на этот вопрос утвердительно и меня не застрелили на месте, она решилась сказать:

– Да. В двух кварталах отсюда.

– И прожила здесь всю жизнь?

– Нет. Только год.

Вот тут мне стало понятно, почему за двадцать лет я ни разу ее не увидел. В городке с

населением в четырнадцать тысяч человек можно прожить всю жизнь и ни разу не поговорить с девятью из каждых десяти.

Но если бы я хоть раз, даже мельком, увидел ее лицо, то не смог бы его забыть. Я бы не мог спать, думая о том, кто она, куда пошла, как мне ее найти.

– Я выросла в Лос-Анджелесе, – продолжила Лорри. – Прожила там девятнадцать лет и поняла, что пора сваливать, если я не хочу окончательно сойти с ума.

– И тебе нравится в Сноу-Виллидж?

– Пока нравилось. Милый городок.

Все еще улыбаясь, все еще поблескивая глазами, все еще обаятельный, без тени безумия на лице, он тем не менее возразил:

– Сноу-Виллидж – город зла.

– Конечно, зло здесь тоже есть, но некоторые части города очень даже хорошие.

– Например, ресторан «У Морелли», – вставил я.

– В «Альбе» сказочно готовят курицу, – добавила Лорри. – И «Бижу» – потрясающее место.

– Это же надо, назвать кинотеатр «Бижу»^[22]! – воскликнул я, обрадованный тем, что наши вкусы в этом вопросе совпадали.

– Вся эта лепнина в стиле арт-деко. И попкорн они готовят с настоящим маслом.

– Мне еще нравится Центральный квадратный парк, – добавил я.

Маньяк не согласился:

– Нет, это отвратительное место. Я посидел там некоторое время, наблюдая, как птицы гадят на памятник Корнелия Рутефорда Сноу.

– И что в этом плохого? – удивилась Лорри. – Если он был и вполнину таким самодовольным, каким его изображает памятник, птицы все делают правильно.

– Я же не говорю, что птицы отвратительные, хотя, возможно, это и так, – маньяк продолжал лучезарно улыбаться. – Я говорю, что сам парк – отвратительное место. Земля, на которой он разбит, пропитана злом, вся земля, на которой стоит город, пропитана злом.

Я хотел продолжить разговор с Лорри о том, что нам нравится в городе, выяснить, в чем еще сходятся наши взгляды, и не сомневался, что и ей хотелось того же, но мы оба чувствовали, что должны слушать этого улыбающегося парня, потому что в руке он держал пистолет.

– А почему? – спросила Лорри. – Город построили на древнем индейском кладбище... или что?

Он покачал головой:

– Нет, нет. Земля когда-то была хорошей, но ее испортили плохими делами, которые творили злые люди.

– К счастью, я не владею недвижимостью, – заметила Лорри. – Только арендую ее.

– Я живу с родителями, – признался я, словно надеялся, что сей факт показывает, что я никоим образом не связан с пропитанной злом землей.

– Пришел час расплаты, – изрек он.

И, словно желая подчеркнуть весомость его угрозы, с одной из потолочных ламп на серебряной нити спустился паук. Шевелящаяся, бесформенная, восьминогая тень, размером с тарелку для супа, легла на пол между нами и маньяком.

– Стремление отвечать злу злом приводит к тому, что в проигрыше оказываются все, – указала Лорри.

– Я не отвечаю злу злом, – возразил он, не сердито, но с раздражением. – Я отвечаю злу восстановлением справедливости.

– Что ж, это совсем другое дело, – согласилась Лорри.

– На твоём месте, – сказал я маньяку, – я бы задумался, а уверен ли я, что мои деяния – справедливость, а не просто большее зло. По мнению моей мамы, дьявол прекрасно знает, как нас убедить в том, что мы поступаем правильно, когда на самом деле мы выполняем его, дьявола, работу.

– Похоже, твоя мама – женщина заботливая.

– Конечно, – ответил я, чувствуя, что между нами устанавливается контакт. – Когда я подрастал, она даже гладила мне носки.

После этого откровения Лорри бросила на меня скептически-тревожный взгляд.

Подумав, что она может принять меня за чудаковатого парня или, того хуже, за маменькиного сынка, я торопливо добавил:

– С семнадцати лет я все глажу сам. И никогда не гладил носки.

Выражение лица Лорри не изменилось.

– Я не хочу сказать, что моя мать до сих пор гладит мне носки, – поспешил я заверить ее. – Больше никто не гладит мне носки. Только идиоты гладят носки.

Лорри нахмурилась.

– Но я не хочу сказать, что моя мать – идиотка, – уточнил я. – Она – чудесная женщина. Она не идиотка, только очень заботливая. Я хочу сказать, что идиоты – другие люди, которые гладят свои носки.

И тут же я понял, что своими умозаключениями загнал себя в угол.

– Если кто-то из вас гладит носки, я не хотел сказать, что вы – идиоты. Я уверен, вы просто очень заботливые, как моя мать.

Теперь и на лице маньяка появилось то же выражение, что и на лице Лорри, и они оба смотрели на меня так, будто я только что спустился по трапу из летающей тарелки.

Лорри, как мне показалось, внезапно сильно огорчила мысль о том, что она скована со мной одной цепью, а вот маньяк, похоже, вдруг подумал, что, в конце концов, одного заложника для его целей вполне достаточно.

Спускающийся паук все еще висел над нашими головами, но тень от него стала меньше, с тарелку для салата.

К моему удивлению, глаза киллера увлажнились.

– Это так трогательно... носки. Очень мило.

А вот в Лорри моя история о носках сентиментальную струнку не задела. Она, прищурившись, продолжала смотреть на меня.

– Ты – счастливчик, Джимми, – продолжил маньяк.

– Да, – согласился я, хотя мне повезло только в одном: меня приковали к Лорри Линн Хикс, а не к какому-то алкоголику, да и то едва ли кто в сложившейся ситуации позавидовал бы моему счастью.

– Иметь заботливую мать, – проворковал маньяк. – Каково это?

– Хорошо, – ответил я. – Очень хорошо, – но больше ничего не решился сказать, боялся, что продолжу нести чушь.

Паук, удлиняя нить, опустился уже на уровень наших макушек.

– Иметь заботливую мать, которая каждый вечер варит тебе какао, – в голосе киллера слышались мечтательные нотки, – подтыкает одеяло, целует в щечку, читает перед сном

сказку...

Прежде чем я сам научился читать, мама обязательно читала мне перед сном, потому что в нашей семье книги уважали. Но еще чаще мне читала бабушка Ровена.

Иногда речь шла о Белоснежке и семи гномах. Все они умирали, то ли в результате несчастного случая, то ли от болезни, пока Белоснежка не оставалась одна одинешенька и никто не мог помочь ей в борьбе со злой королевой. Кстати, однажды в интерпретации бабушки на одного из гномов упал двухтонный сейф. Но это был суший пустяк в сравнении с тем, что произошло с другим гномом, бедным Чихом. А когда бабушка читала мне сказку о Золушке, хрустальные башмачки рассыпались на острые осколки прямо на ногах бедняжки, а тыквенная карета слетала с дороги в глубокий овраг.

И только взрослым я узнал, что в прекрасных книгах Арнольда Лобела^[23] о Жабе и Лягушке не было эпизодов, когда тому или иному главному герою кто-то из других обитателей болота откусывал лапку.

– У меня не было заботливой матери, – голос маньяка переполняли тоска и душевная боль. – Мое детство было холодным, суровым, лишенным ласки.

События приняли неожиданный оборот: страх, что меня застрелят, отступил на второй план. Перед нами замаячила куда более страшная перспектива: выслушивать рассказ маньяка о его трудном детстве. О том, как его били проволочными вешалками для пальто. До шести лет заставляли носить девчачью одежду. Отправляли спать без миски овсяной каши.

Меня похитили, заковали в наручники, держали под дулом пистолета, и все для того, чтобы я выслушал этот жалостливый рассказ? С тем же успехом я мог остаться дома и смотреть дневные ток-шоу.

К счастью, он прикусил губу, расправил плечи и заявил:

– Вспоминать прошлое – пустая трата времени. Что было, то прошло.

К несчастью, влагу в глазах, вызванную жалостью к себе, сменил не веселый, обаятельный блеск, а фанатичный огонь.

Паук тем временем продолжал спуск. Оказался на уровне наших лиц, испугался их вида и в страхе застыл.

Должно быть, представив себя виноградарем, снимающим ягоду с грозди, маньяк зажал толстого паука между большим и указательным пальцем, раздавил, а потом поднес то, что осталось, к носу, чтобы насладиться запахом.

Я надеялся, что он не предложит мне понюхать останки паука. Обоняние у меня сильно развитое, и это одна из причин, по которой я пошел в пекари.

К счастью, он не собирался делиться с нами этим мерзким запахом.

К несчастью, поднес пальцы ко рту и аккуратно слизал кашицу, в которую превратился паук. Насладился этим странным фруктом, похоже, решил, что он недостаточно зрелый, и вытер пальцы о рукав пиджака.

Перед нами стоял выпускник Университета Ганнибала Лектера, готовый занять место менеджера в мотеле «Бейтс»^[24].

Шоу с обнюхиванием и поеданием раздавленного паука устраивалось не для нас. Маньяк действовал рефлекторно, так обычные люди отгоняют мух.

И теперь, не отдавая себе отчета в том, какое впечатление произвели на нас его весьма необычные вкусовые пристрастия, он сказал:

– И вообще, время разговоров осталось в прошлом. Пришло время действовать, восстанавливать справедливость.

– И как же он собирается восстанавливать справедливость? – задалась вопросом Лорри. Вслух. И в голосе, которым произносились эти слова, от присущего ей оптимизма не осталось и следа.

А маньяк, несмотря на баритон взрослого, вдруг заговорил словно обиженный мальчишка:

– Я собираюсь много чего взорвать, убить массу людей и заставить город пожалеть о своем существовании.

– Честолюбивый замысел, – указала Лорри.

– Я готовился к этому всю жизнь.

Я внезапно переменял сложившееся у меня мнение на прямо противоположное.

– Если уж на то пошло, я бы действительно хотел послушать о вешалках для пальто.

– Каких вешалках? – переспросил он.

Прежде чем я успел ответить и, скорее всего, получить пулю между глаз, вмешалась Лорри:

– Слушай, я могу взять сумочку?

Он нахмурился.

– Зачем она тебе?

– По срочному женскому делу.

Я не мог поверить, что она пойдет на такое. Нет, я понимал, что не сумел ее переубедить, но полагал, что мои доводы заставили ее одуматься.

– По женскому срочному делу? – повторил маньяк. – Это ты о чем?

– Ты знаешь, – игриво ответила она.

Для парня, который мог притягивать женщин точно так же, как мощный магнит притягивает крупинки железного порошка, он проявил в этом вопросе вопиющее невежество.

– Откуда мне знать?

– Бывает раз в месяц.

Он по-прежнему ничего не понимал.

– На середине?

Теперь его уже не поняла Лорри.

– На середине?

– Сейчас середина месяца, – напомнил он. – Пятнадцатое сентября. И что?

– У меня месячные, – объяснила она.

Он тупо смотрел на нее.

– Менструация, – ей определенно хотелось обойтись без этого слова.

Его лоб разгладился. Он понял.

– Ага. Женское срочное дело.

– Да. Совершенно верно. Аллилуйя! Теперь я могу взять сумочку?

– Зачем?

Если бы она добралась до пилки для ногтей, то с радостью вогнула бы ее ему в глаз.

– Мне нужен тампон.

– Ты говоришь, что в сумочке у тебя тампон?

– Да.

– И он нужен тебе прямо сейчас, ты не можешь ждать?

– Да, совершенно не могу ждать, – подтвердила Лорри. Решила сыграть на его

сострадании, которого он не выказал, убивая библиотекаря выстрелом в голову. Но Лорри полагала, что сострадание это у маньяка все-таки есть, поскольку пока с нами он вел себя достаточно мягко. – Я сожалею, но мне без него не обойтись.

Если в женских делах он соображал плохо, то замыслы в стиле Макиавелли разгадывал шутя.

– Что у тебя в сумочке, пистолет?

Признавая, что попалась, Лорри пожала плечами.

– Пистолета нет. Только металлическая пилка для ногтей.

– И что ты собиралась сделать... вонзить ее мне в сонную артерию?

– Если бы не попала в глаз, то да.

Он поднял пистолет, целясь в нее. Я предположил, что, пристрелив Лорри, он не остановится и разберется со мной. Я же видел, что он сделал с газетами.

– Мне следовало убить тебя прямо сейчас, – враждебности в голосе, однако, не слышалось.

– Следовало, – согласилась она. – Я бы убила, окажись на твоем месте.

Он улыбнулся и покачал головой:

– Ну ты даешь.

– Стараюсь, – и Лорри улыбнулась в ответ.

Мои губы тоже растянулись, открывая зуб за зубом, но с большим трудом. И причиняя боль. Тревога-то никуда не делась.

– Долгие годы я готовил этот день, – сказал маньяк. – Я знал, что испытаю удовлетворенность, возможно, даже восторг, но и представить себе не мог, что все будет так забавно.

– Успех вечеринки зависит от гостей, которых ты на нее приглашаешь, – вставила Лорри.

Псих-убийца обдумывал ее слова, словно она процитировала один из сложных философских постулатов Шопенгауэра. Кивнул без тени улыбки, провел языком по зубам, верхним и нижним, словно пробуя на вкус ее слова, наконец ответил:

– Верно. До чего же верно.

Тут до меня дошло, что я не участвую в разговоре. А мне не хотелось, чтобы он пришел к выводу, что вечеринка вдвоем может быть куда забавнее вечеринки втроем.

И я уже открыл рот, наверняка чтобы ляпнуть какую-нибудь глупость вроде фразы о вешалках для пальто, фразы, после которой я мог бы получить пулю в живот, когда подвал вдруг наполнил грохот. Кинг-Конг молотил кулаками по массивной стене, которая отделяла его половину острова от второй, где жили нервные туземцы.

Маньяк, услышав грохот, просиял.

– Это Носач и Кучерявый. Они вам понравятся. Они привезли взрывчатку.

Как выяснилось, Корнелий Рутефорд Сноу питал слабость не только к архитектуре викторианского периода, но и к таинственности, которая наполняла мелодрамы той эпохи. Сэр Артур Конан Дойл использовал тот же эффект, рассказывая о подвигах бессмертного Шерлока Холмса: скрытые двери, никому не ведомые комнаты, лестницы, ведущие из ниоткуда в никуда, потайные ходы.

Рука об руку, но только из-за наручников, быстро, но только из-за направленного нам в спины пистолета, Лорри и я прошли в тот конец комнаты, где маньяк так жестоко расстрелял старые газеты.

Стеллажи занимали всю стену, от пола до потолка. На полках, в больших папках, хранились периодические издания.

Маньяк осмотрел несколько полок, не только сверху, но и снизу, возможно, искал подшивку журнала «Лайф» за 1952 год, а может надеясь наткнуться на еще одного жирного паука.

Нет, цель, разумеется, у него была другая. Он искал спрятанную кнопку. А когда нашел и нажал на нее, целая секция полок повернулась на шарнирах, открыв расположенную за ними нишу.

В глубине ниши каменная стена обрамляла дубовую, с железной окантовкой дверь. В те давние времена, когда Корнелий Рутефорд Сноу выделил деньги на строительство библиотеки, читателей, которые не сдавали книги вовремя, вероятно, ждало более серьезное наказание, чем ныне. Похоже, их сажали под замок и кормили перловкой, дабы они осознали свою вину и потом успевали прочитать новый роман Джейн Остин в отведенный для этого срок.

Маньяк трижды постучал в дверь, очевидно подавая ответный сигнал.

С другой стороны двери донеслись два удара.

Маньяк также ответил двумя, на что в дверь ударили один раз. То же самое сделал и маньяк.

Вся эта усложненная процедура обмена кодированными сигналами казалась мне совершенно бессмысленной, но маньяка ритуал этот страшно обрадовал. Сияющий, он повернулся к нам.

Однако его зубастая улыбка уже потеряла немалую толику своей обаятельности. Нет, конечно, он оставался очаровашкой, и хотелось, пусть разум и твердил об обратном, подружиться с ним, но глаза поневоле искали черные волосатые ошметки паука на губах и языке маньяка.

Через мгновение после последнего удара из-за двери донеслось гудение маленького высокооборотного электрического мотора. А потом раздался визг металла, вгрызающегося в металл.

Сверло с алмазным напылением разбиралось с замком. Вскоре пробило дверь насквозь, выплюнув на пол железные стружки.

Наш тюремщик возвысил голос, чтобы перекрычать вой и скрежет работающей дрели и доложил с мальчишеским энтузиазмом:

– Мы пытали члена Общества охраны исторических памятников Сноу-Виллидж, но не смогли узнать от него, где находятся ключи. Я уверен, он бы сказал, где ключи, если бы знал,

но нам не повезло... и ему тоже... Пытали не того человека. Вот и пришлось прибегнуть к другим средствам.

Рука Лорри, с наручником на запястье, нашла мою руку, с другим наручником, и крепко сжала.

Как же мне хотелось, чтобы мы встретились при других обстоятельствах. Скажем, на городском пикнике или чаепитии.

Дрель выключили. Высверленный замок не выдержал крепкого удара каблуком и жалобно заскрежетал, когда дверь распахнулась нам навстречу.

За дверью, как мне показалось, находился плохо освещенный тоннель. Первым в нише появился угрюмый мужчина. Пересек ее, прошел в подвал. За ним последовал второй, такой же мрачный. Этот катил ручную тележку.

Первый из незнакомцев, лет пятидесяти, лысый, как бильярдный шар, зато с такими густыми черными бровями, что их хватило бы на пряжу для детского свитера, был в брюках цвета хаки и зеленой рубашке. Из плечевой кобуры торчала рукоятка то ли пистолета, то ли револьвера.

– Прекрасно, прекрасно. Вы прибыли точно в срок, Носач.

Я, конечно, не мог знать, то ли этого типа звали Боб Носач, то ли ему дали такое прозвище, но, пожалуй, поставил бы на второй вариант. Потому что нос у него был огромный. Когда-то прямой и гордый, нос этот мог считаться, скорее, достоинством, чем недостатком, но теперь он расплылся, и его покрыла сеточка лопнувших капилляров. Такой нос однозначно свидетельствовал о том, что его обладатель охоч до спиртного.

Из тоннеля Носач вышел трезвым, но мрачным и подозрительным.

Посмотрел на меня, на Лорри, пробурчал:

– Кто эти сучка и Бигфут^[25]?

– Заложники, – объяснил маньяк.

– На хрена нам заложники?

– Если что-то пойдет не так.

– Ты думаешь, что-то пойдет не так?

– Нет, – ответил маньяк, – но они меня веселят.

Второй незнакомец оставил ручную тележку, чтобы принять участие в дискуссии. Внешне он напоминал Арта Гарфункеля^[26]: гладкое личико мальчика из церковного хора, вьющиеся мелким бесом волосы.

Поверх футболки он надел застегнутую на «молнию» нейлоновую ветровку, но сквозь нее проступала плечевая кобура и оружие в ней.

– Пойдет что-то не так или нет, но нам придется от них избавиться, – указал певчий.

– Естественно, – кивнул маньяк.

– Это безобразие, пустить в расход такую сучку, не попользовавшись ею, – продолжил певчий.

У меня по спине побежал холодок. Так небрежно говорить о нашем убийстве, об изнасиловании Лорри!

Ее рука сжала мою с такой силой, что пальцы пронзила боль.

– Выброси ее из головы, Кучерявый, – ответил маньяк. – Этому не бывать.

В том, что Кучерявый – прозвище, сомнений быть не могло. Как еще могли прозвать человека с такими волосами?

– А почему я должен выбросить ее из головы? – не сдавался Кучерявый. – Она

принадлежит тебе?

– Она никому не принадлежит, – в голосе нашего тюремщика послышалось раздражение. – Мы пришли сюда не для того, чтобы подбирать телку. Если мы начнем отвлекаться от главного, то провалим операцию.

Я почувствовал, что должен вмешаться, сказать, что им придется иметь дело со мной, если они попытаются подступиться к Лорри. Но, по правде говоря, вооруженные и безумные, они бы разобрались со мной так же легко, как нагретый нож разбирается с маслом.

Перспектива умереть огорчила меня не столь сильно, как осознание, что мне не удастся защитить девушку.

Я еще не стал шеф-кондитером, но для себя, в мыслях разумеется, я всегда был героем... или мог стать им в кризисной ситуации. Ребенком я часто представлял себе, как выпекаю шоколадное суфле, достойное королей, и одновременно сражаюсь со злобными прихвостнями Дарта Вейдера.

Теперь же кризис наступил в реальности. Дарт Вейдер и в подметки не годился этим жаждущим крови безумцам, а его лучевым сейбером они могли ковыряться в зубах.

– Пойдет что-то не так или нет, – повторил Кучерявый, – мы должны их уделать.

– Мы это уже обговорили, – нетерпеливо фыркнул маньяк.

– Потому что они видели наши лица, – гнул свое Кучерявый. – Вот почему их нужно шлепнуть.

– Я *понимаю*, – заверил его маньяк.

Глаза у Кучерявого были цвета бренди. Они побледнели, когда он поставил еще одно условие:

– Когда будем с ними кончать, я хочу, чтобы сучку отдали мне.

Уделать, кончить, шлепнуть, пустить в расход. Этот парень проявлял чудеса выдумки в поисках синонимов глагола «убить».

Может быть, сие означало, что он отправил на тот свет очень много людей и находил скучным обсуждение убийства. Таким образом, использование синонимов поддерживало его интерес к теме. А может, он был всего лишь фэном киллера, надувал щеки, сыпал всякими словечками, а когда доходило до дела, нырял в кусты.

Тем не менее, учитывая, что Кучерявый в одной компании с безумцем, который беспричинно пристреливал библиотекарей и не видел разницы между пауками и конфетами, я решил, что не стоит выяснять, убийца ли Кучерявый или всего лишь хвостун.

– Ты сможешь ее шлепнуть, когда надобность в заложниках отпадет, – пообещал маньяк Кучерявому. – Не вижу в этом проблемы.

– Слушай, ты сможешь шлепнуть их обоих, – подал голос Носач. – Мне без разницы.

– Спасибо, – кивнул Кучерявый. – Я тебе очень признателен.

– De nada^[27], – отмахнулся Носач.

Маньяк подвел нас к двум другим деревянным стульям. И хотя теперь был не один, все равно вторыми наручниками закрепил цепь, которая соединяла стальные кольца на наших запястьях, к перекладине.

Носач и Кучерявый принялись разгружать ручную тележку. Они привезли как минимум сотню килограммовых брикетов какого-то серого вещества, завернутых в полупрозрачную, промасленную бумагу.

Я – не эксперт по взрывчатым веществам, вообще никогда не имел с ними дела, но догадался, что брикеты – та самая взрывчатка, о которой упоминал маньяк.

Носач и Кучерявый, если не считать прически, были очень похожи: коренастые, с толстой шеей, но подвижные. Они напоминали мне Бигл-^[28] бойз.

В комиксах про Скруджа Макдака, которые я так любил в детстве, несколько братьев-преступников постоянно строили планы проникновения в денежные закрома дядюшки Скруджа, где он плавал в океане золотых монет и иногда изменял его конфигурацию бульдозером. Эти преступники изображались с плоскими лицами, круглыми плечами, грудью колесом. Похожие на собак, они, однако, стояли на задних конечностях, как люди, но вместо рук у них были лапы, и рубашки были полосатыми, как тюремные робы.

Хотя Носач и Кучерявый не афишировали одеждой свою уголовную сущность, фигурой они напоминали преступников из тех комиксов. Бигл-бойз, впрочем, были посимпатичней Носача и не вызывали такого ужаса, как Кучерявый.

Парочка эта работала быстро, не зная устали. Преступная деятельность, похоже, доставляла им несказанную радость.

Пока сообщники маньяка раскладывали брикеты взрывчатки по подвалу, как в этой комнате, так и в других, он сам сидел за столом, на котором раньше просматривал газеты. Только теперь он синхронизировал часовые механизмы более десятка детонаторов.

Склонился над столом, целиком поглощенный этим важным делом. Зажал зубами кончик языка. Черные волосы падали на лоб, и он то и дело отбрасывал их, чтобы они не закрывали глаза.

Чем-то он напоминал двенадцатилетнего мальчишку, собирающего пластмассовую модель нацистского истребителя.

Лорри и я сидели достаточно далеко от него, поэтому могли переговариваться шепотом, не опасаясь, что он нас услышит.

Она наклонилась ко мне.

– Если мы останемся одни с Кучерявым, я собираюсь сказать ему, что у меня срочное женское дело.

Попав в руки не одного, а трех психов, послушав, как эти ублюдки обсуждают нашу экзекуцию с таким видом, словно решают, кому выносить мусор, лично я бы крепко подумал, прежде чем решаться на подобные действия. По моему разумению, даже неисправимый оптимист не мог надеяться, что они принесут желаемый результат. Но для Лорри Линн три психа означали две дополнительные возможности продать кому-то сказочку о срочном женском деле, добраться до пилки для ногтей и с ее помощью вырваться на свободу.

– Ты только добьешься того, что нас убьют, – вновь предупредил я ее.

– Чушь. Они все равно нас убьют. Или ты их не слушал?

– Но твоими стараниями нас убьют раньше, – прошептал я.

И куда подевался мальчишка, готовый ввязаться в межгалактическую войну? Неужто он по-прежнему жил во мне?

Лорри не могла вытащить руку из стального кольца наручников, но смогла вырвать ее из моей руки. И посмотрела на свою так, словно хотела ее вымыть. В карболке.

Когда дело доходит до романтических походов, я, конечно, могу похвастаться некоторыми успехами, но не в праве считать себя реинкарнацией Рудольфо Валентино^[29]. Мне не нужна записная книжка в черной кожаной обложке, чтобы заносить в нее телефонные номера всех женщин, которые стали моими. Мне не нужна даже страничка в этой книжице. Хватит маленького бумажного прямоугольника. Скажем, с клейкой полоской на обратной стороне. Вроде тех, что приклеивают к холодильнику с напоминанием:

«КУПИТЬ МОРКОВИ К ОБЕДУ».

А вот тут Купидон поразил меня в самое сердце (аккурат в тот момент, когда меня приковали к самой прекрасной женщине в мире), но я не мог этим воспользоваться, не мог обаять и завоевать ее сердце по одной глупой причине: мне хотелось выжить.

– Мы подождем, пока нам представится возможность вырваться, и обязательно ею воспользуемся, – заверил я Лорри. – Но это должно быть что-то более весомое, чем «срочное женское дело».

– Например?

– Что-то такое, что даст нам шанс.

– Что именно?

– Что-то. Я не знаю. Но что-то.

– Мы не можем просто сидеть и ждать.

– Очень даже можем.

– Мы дождемся только того, что нас убьют.

– Нет, – я сделал вид, будто анализирую ситуацию, что-то выискиваю, а не просто надеюсь на чудо. – Я жду возможности, которая позволит нам взять верх.

– Ты дождешься только нашей смерти, – предрекла она.

Тут уж я позволил себе поддеть Лорри:

– И что случилось с неустанной оптимисткой?

– Ты ее задушил.

И столько презрения было в этом голосе, что кровь бросилась мне в лицо.

Сидя двумя этажами ниже улиц, по которым бродили злые люди, и окруженные пропитанной злом землей Сноу-Виллидж, мы наблюдали, как Носач, Кучерявый и безымянный маньяк раскладывают брикеты взрывчатки и подсоединяют детонаторы с таймерами к зарядам.

Вы можете подумать, что ужас, который мы испытывали, нарастал с каждой минутой. Так вот, на основе собственного опыта я могу утверждать: если ужас достигает пика, долгое время его выдерживать нет никакой возможности.

Если чудовищную беду можно назвать болезнью, ужас – ее симптом. Как и любой симптом, он не может постоянно проявляться одинаково, то есть проявление его то усиливается, то ослабевает. Скажем, при гриппе человек не блюет целый день и его не несет от рассвета до заката.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Соответственно, порядка 50 см и 3,5 кг.

Телесериалу предшествовали два фильма, «Флиппер» (1963) и «Новые приключения Флиппера» (1964), успех которых инициировал создание телесериала.

Приключенческий телесериал (основой также послужил фильм – «Лэсси, вернись»), главная героиня которого – колли по кличке Лэсси. Шел в 1954–1971 гг.

Джон Денвер (р. 1943) – настоящее имя Генри Джон Дойтшендорф, один из наиболее популярных исполнителей Америки в 1970-х гг. «Песня Энн» принесла певцу мировое признание.

Во многих триллерах клоун – одна из ипостасей зла. К примеру, в романе Стивена Кинга «Оно».

Келли, Эмметт (1898–1979) – цирковой клоун, создатель образа-маски «Грустного Вилли». С успехом выступал в США и Англии.

Братья Ринглинг – пятеро братьев из г. Барабу, штат Висконсин, создатели крупнейшего в мире цирка (1907 г.), которым семья Ринглинг владела до 1967 г.

День благодарения – национальный праздник США, отмечаемый в четвертый четверг ноября. Посвящен первому урожаю, собранному пилигримами из Плимутской колонии в 1621 г. после голодной зимы в Новом Свете. Отмечается традиционным обедом с индейкой.

Преэклампсия – токсикоз второй половины беременности.

Эклампсия – пик негативных нарушений функционирования организма, вызванных токсикозом второй половины беременности, который может наложиться на роды.

Окситоцин – средство, стимулирующее родовую деятельность.

Келли, Джин (1912–1996) – звезда Бродвея и Голливуда 1940—50-х гг. Танцовщик, певец, актер и хореограф.

Астер, Фред (1899–1987) – настоящее имя Фред Аустерлиц, знаменитый танцовщик и актер.

«Федерал экспресс» – крупнейшая частная почтовая служба срочной доставки небольших посылок и бандеролей.

«Юнайтед парсел сервис» – частная служба доставки посылок. Владеет собственным воздушным и автомобильным транспортом.

Семейство Аддамсов – персонажи серии комиксов художника Чарльза Аддамса, появившиеся в журнале «Нью-Йоркер» в 1935 г. Жутковатое, но смешное семейство монстров.

Ай-кью (IQ, аббревиатура Intelligence Quotient) – коэффициент умственного развития.

Сноу (snow) – на английском снег.

Glacage de Framboise – иней на малине (*фр.*).

Злой Койот – герой популярной серии мультфильмов киностудии «Уорнер бразерс».

Полианна – героиня одноименной детской повести Элеанор Портер, неисправимая оптимистка. Имя Полианна стало нарицательным – символом ничем не оправданного оптимизма.

На француском bijou (бѣжу) означае драгоценнось, украшение, безделушка.

Лобел, Арнольд (1933–1987) – американский детский писатель и иллюстратор, автор более 70 книг.

«Мотель «Бейтс» – фильм ужасов (1987), действие которого разворачивается в одноименном мотеле.

Бигфут (Big Foot) – одно из прозвищ снежного человека, в переносном смысле – здоровяк.

Гарфункель, Арт (р. 1941) – известный американский певец. Начиная карьеру в составе дуэта «Саймон и Гарфункель».

De nada – пустяки (*исп.*)

Бигл – от beagle, коротконогая гончая, ищейка (*англ.*)

Рудольфо Валентино (1895–1926) – настоящее имя Родольфо Альфонсо Рафаэль Пьер Филиберт Гульелми, голливудский киноактер, который пользовался потрясающим успехом у женщин. Звездой стал в 1921 г., сыграв главную роль в фильме «Четыре всадника Апокалипсиса». Умер от прободения язвы.